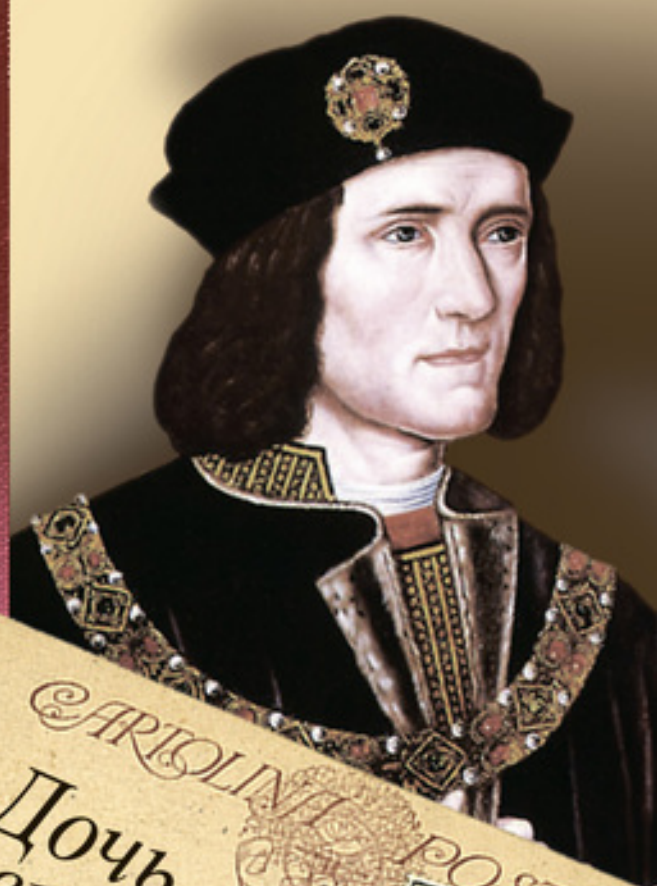

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

Джозефина Тэй

**Дочь времени. Дело о
похищении Бетти Кейн (сборник)**

«ФТМ»

«АСТ»

1948, 1951

Тэй Д.

Дочь времени. Дело о похищении Бетти Кейн (сборник) /
Д. Тэй — «ФТМ», «АСТ», 1948, 1951

ISBN 978-5-17-063520-7

Инспектор Скотленд-Ярда Алан Грант – знаток литературы и истории – решает раскрыть тайну самого загадочного преступления средневековой Англии – гибели двух малолетних принцев, в которой историки обвиняют короля-узурпатора Ричарда III. Сумеет ли он вычислить настоящего убийцу?.. Напуганная школьница уверяет полицию, что чудом вырвалась из рук двух похитительниц, пытавшихся ее убить. Однако рассказ девушки считают ложью. За расследование берется скромный провинциальный адвокат Роберт Блэр – талантливый детектив-любитель...

ISBN 978-5-17-063520-7

© Тэй Д., 1948, 1951

© ФТМ, 1948, 1951

© АСТ, 1948, 1951

Содержание

Дочь времени	6
1	6
2	12
3	21
4	26
5	30
6	35
7	40
8	47
9	55
10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джозефина Тэй Дочь времени. Дело о похищении Бетти Кейн (сборник)

Josephine Tey
THE DAUGHTER OF TIME
THE FRANCHISE AFFAIR

Печатается с разрешения The National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty и литературных агентств David Higham Associates Ltd и Synopsis.

- © The National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty, 1951
- © The National Trust for Places of Historic Interest or Natural Beauty, 1948
- © Перевод. Л.И. Володарская, 2010
- © Перевод. Н.И. Ильина, 2010
- © Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Дочь времени

*Правда – дочь времени.
Пословица*

1

Грант лежал на высокой койке, заправленной белоснежным бельем, и смотрел в потолок. Смотрел, надо сказать, с отвращением, потому что уже давно мог бы с закрытыми глазами перечислить все трещины, из которых составил карту с реками, островами и континентами для своих нескончаемых мысленных путешествий. Он постоянно задавал себе самые разные задачи, искал спрятанные на чистом потолке лица людей, фигурки птиц и рыб. Делал в уме сложные математические расчеты и вновь открывал для себя мир детства. У него отняли все, кроме потолка, и он возненавидел его лютой ненавистью.

Не выдержав, Грант попросил Пигалицу как-нибудь передвинуть кровать, чтобы он мог заняться другой частью потолка, но оказалось, что это непоправимо нарушит симметрию в палате, а в больничной системе ценностей симметрия незначительно уступает чистоте, зато стоит намного выше сострадания. А вот что вне всякой конкуренции, так это невежество.

– Почему бы вам не почитать? – спросила Пигалица. – Смотрите, сколько новых дорогих книжек!

– На земле слишком много людей, и почти все что-нибудь пишут. Каждую минуту типографские машины печатают Бог знает сколько миллионов слов. Ужасно!

– Похоже, у вас опять начинается запор, – задумчиво произнесла Пигалица, которую на самом деле звали сестрой Ингхэм.

Грациозное создание ростом пять футов и два дюйма, похожее на ожившую статуэтку из мейсенского фарфора. Поднять ее Грант мог бы одной рукой, будь он на ногах, и его унижало даже не то, что Пигалица указывала ему, что и когда делать, но тот факт, что она крутила его, мужчину под шесть футов. А матрасами она манипулировала с беззаботной грацией жонглера. В отсутствие Пигалицы Грант переходил во власть Амазонки, богини с руками, напоминавшими ветви бука. Амазонка, или сестра Даррелл, была родом из Глостершира и каждую весну, когда зацветали нарциссы¹, изнывала от тоски по дому. (Пигалица же выросла в Литае, в приюте Святой Анны, и не оставила места в своей жизни такой чепухе, как нарциссы.) У Амазонки были большие ласковые руки, большие ласковые коровьи глаза, с лица не сходило жалостливое выражение, при малейшем физическом усилии она начинала пыхтеть, как испорченный насос, – и все-таки ощущать себя невесомой пушинкой менее унижительно, чем неподъемной колодой.

Порученный заботам Пигалицы и Амазонки, Грант был прикован к кровати, потому что провалился в люк. И это тоже было унижением, естественным следствием которого стало пыхтение Амазонки и грациозные манипуляции Пигалицы. Падение в люк – величайшая глупость со всех точек зрения. Тогда Грант уже почти догнал Бенни Скола, но провалился в люк, и сейчас лишь мысль, что, ускользнув от него, Бенни прямоком попал в объятия сержанта Уильямса, несколько утешала сыщика.

Судья дал Бенни всего три года, к великой радости его клана, а хорошим поведением он может уменьшить и этот срок, тогда как в больнице, как себя ни веди, пролежишь, сколько положено.

¹ Нарцисс – национальная эмблема валлийцев. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Грант перевел взгляд с потолка на стопку книг в ярких обложках, о которых ему постоянно напоминала Пигалица. Верхняя, с прелестной фотографией молодой женщины в чем-то неправдоподобно розовом, содержала очередной ежегодный отчет Лавинии Фитч о страданиях героини, совершенной во всех отношениях. Судя по тому, что фоном для красавицы на обложке служил большой порт, нынешняя Валерия (Анжела, Сесилия или Дениза) была женой капитана.

«Пот и пахота» – опус в семьсот страниц Сайласа Уикли, вечно озабоченного тем, как бы его не обвинили в хорошем вкусе. Грант пробежал глазами несколько фраз и еще раз убедился в том, что Уикли есть Уикли: женщина лежит в комнате наверху и рождает одиннадцатого ребенка, ее муж лежит в нижней комнате со времени появления на свет девятого дитяти, старший сын, накачавшись спиртным, лежит в хлеву, старшая дочь лежит с любовником на сеновале, все остальные лежат в сарае. Протекает соломенная крыша, от навозной кучи поднимаются зловонные пары. Что-то, а навоз Сайлас никогда не забывает, и не его вина, что пары поднимаются вверх. Если бы ему показали пар, уходящий в землю, он бы и это описал.

Под книжкой Сайласа – упакованное в броскую обложку сочинение Руперта Ружа «Колокольчики на башмаках», смесь эдвардианских изысков с причудами барокко. Остроумие, с которым автор живописует порок, поначалу вызывает у читателя безудержный смех, но уже на третьей странице становится ясно, что Руперт – послушный ученик Джорджа Бернарда Шоу и пользуется приемом парадокса, открытым классиком, как самым простым и выгодным способом прослыть остроумным. Дальше читать неинтересно.

Зеленая ночь, красная вспышка выстрела – на обложке последней книжки Оскара Оукли. Бандиты у него cedят слова сквозь зубы, но слова эти, заимствованные из американских триллеров, не в силах выразить ни мысль, ни чувство, зато автор выдает полный набор блондинок, кастетов, головокружительных погонь и прочей чуши.

«Случай с пропавшим консервным ножом» Джона Джеймса благодаря юридическим ошибкам на первых двух страницах доставил Гранту несколько приятных минут, в течение которых он мысленно составлял автору язвительное письмо.

А вот о чем тоненькая голубая книжка в самом низу стопки, Грант никак не мог вспомнить. Кажется, что-то реальное, без художественных выкрутасов. О мухах цеце, о калориях, о сексе? Но даже тут все известно заранее. Неужели нет автора, который не следует раз и навсегда найденной формуле? Неужели никому больше не хочется хоть изредка менять пластинку? Конечно, авторы знают, чего ждет от них публика, которой подавай «еще одного Сайласа Уикли» или «еще одну Лавинию Фитч», словно какой-нибудь «новый кирпич» или «новую щетку для волос». Публике не нужна настоящая новизна. Она знает, чего хочет.

Отведя утомленный взгляд от пестрой стопки, Грант подумал, что неплохо бы перекрыть книжный поток минимум лет на двадцать. Или, например, ввести мораторий на романы. Или дать задание какому-нибудь Супермену изобрести луч, который остановит всех писателей. Тогда уж человеку, прикованному к постели, никто не пришлет подобной чепухи и очаровательной мейсенской статуэтке не придет в голову требовать, чтобы он эту чепуху читал.

Услышав, что открывается дверь, Грант не только закрыл глаза, но и мысленно отвернулся к стенке. Кто-то уже стоял возле него, но он решил быть непоколебимым, не желая ни глостерширского великодушия, ни ланкаширского жизнелюбия.

В затянувшемся молчании Грант вдруг ощутил едва уловимый чарующий аромат. Он посмаковал его и задумался. От Пигалицы пахло лавандой, от Амазонки – мылом и йодоформом, а этими духами «Энклос нумеро синк», несущими в себе полузабытый аромат всех полей Грасса, пользовалась только одна из его знакомых – Марта Халлард.

Грант приоткрыл один глаз. Так и есть. Марта наклонилась над ним посмотреть, спит он или нет, и в этой несколько неуверенной позе (если с Мартой вообще хоть как-нибудь сочетается слово «неуверенная») она разглядывала стопку совершенно новеньких нечитанных книг. В

одной руке у нее были еще две книги, в другой – огромный букет белой сирени, и Грант задумался: принесла она сирень потому, что лишь ее считала достойной для украшения жилища в зимнюю пору (сирень царила в ее театральной уборной с декабря по март) или же цветы просто гармонировали с ее бело-черным туалетом. Марта показалась ему настоящей парижанкой, и, к счастью, в ее облике не было ничего от больницы.

– Я тебя разбудила, Алан?

– Нет, я не спал.

– Кажется, я принесла тебе то, что у тебя и так в излишке, – сказала она, пристраивая новые книги рядом с уже отвергнутыми. – Надеюсь, этим повезет больше. Неужели даже наша прелестная Лавиния тебя не увлекает?

– Не могу я читать.

– Очень болит?

– Очень. Только не нога и не спина.

– Тогда что?

– Как говорит моя кузина Лора, меня замучили колючки скуки.

– Бедняжка Алан! А Лора права. – Марта вынула нарциссы из слишком большой для них вазы и жестом, исполненным изящества, положила их в раковину, после чего поставила на их место сирень. – Конечно, хотелось бы, чтобы скука была великой усыпительницей. Но... она не более чем глумливая букашка.

– Букашечное пустое место. Глумливое ничто. А ощущение, будто меня хорошенько отхлестали крапивой.

– Может, тебе что-нибудь попринимать?

– Чтобы стало ясно на душе?

– Чтобы проветрить мозги и заодно поднять настроение. Послушай, а не заняться ли тебе философией? Йогой, например? Хотя с твоим аналитическим умом вряд ли ты склонен к абстрактным построениям.

– Я уже думал об алгебре. У меня всегда было чувство, что в школе я мало ею занимался. Но я, кажется, слишком увлекся геометрией, изучая этот чертов потолок. Пожалуй, надо немного отдохнуть от математики.

– Ну а как насчет кроссвордов? Могу принести тебе целую книжку.

– Боже упаси.

– Ты мог бы и сам их составлять. Я слышала, это гораздо забавнее.

– Может быть. Но в каждом словаре несколько фунтов веса, и вообще я ненавижу справочники.

– В шахматы ты играешь? Что-то не помню. Не хочешь порешать шахматные задачки? Белые начинают и ставят мат в три хода.

– Шахматы я всегда любил чисто эстетически.

– Эстетически?

– В них все очень красиво. Слоны, пешки... Очень изысканно.

– Вот и прекрасно. Я принесу тебе... Ну хорошо, хорошо, оставим шахматы в покое. Попробуй решить то, что до сих пор никому не удавалось.

– Ты подумала о нераскрытых преступлениях? Я знаю их все назубок, и ни в одном нельзя сделать сверх того, что уже сделано, тем более в моем положении.

– Да нет, при чем тут архивы Скотленд-Ярда? Я подумала, как бы получше сказать, о более классическом случае, о таком, что изумляет мир уже не одно столетие.

– Например?

– Скажем, письма из шкатулки.

– Нет, нет, только не Мария Шотландская!

– Почему? – спросила Марта, которая, как все актрисы, не могла устоять перед белой вуалью Марии Стюарт.

– Потому что меня еще могла бы заинтересовать порочная женщина, но глупая – никогда.

– Глупая? – Именно таким голосом Марта произносила монологи Электры.

– Очень глупая.

– Ах, Алан, зачем ты так?

– Носи она другой головной убор, никто бы о ней и не вспомнил. Именно ему она всем обязана.

– Ты думаешь, в панаме она любила бы менее страстно?

– Она вообще никогда не любила, тем более страстно.

Грант понял, что только долгие годы, проведенные в театре, и забота о лице, над которым она трудилась не меньше часа ежедневно, не позволили Марте выразить все ее возмущение.

– Интересно почему?

– В Марии Стюарт было шесть футов, а слишком высокие женщины редко бывают сексуальны. Спроси любого врача.

И тут Грант задумался, почему все эти годы – с тех пор как Марта записала его в свой резервный эскорт, – ему ни разу не пришло в голову соединить ее пресловутую уравновешенность с ее ростом. К счастью, Марте было не до параллелей, поскольку ее мысли были поглощены любимой королевой.

– Так, может быть, она и мученицей не была?

– Мученицей чего?

– Веры.

– Она была мученицей своего ревматизма. Выходя замуж за Дарнлея, она обошлась без разрешения папы, а бракосочетание с Босуэлом проходило по протестантскому обряду.

– Сейчас ты скажешь, что она и пленницей не была.

– Беда в том, что тебе мерещится комнатка с зарешеченными окошками где-нибудь на чердаке и преданная старушка, которая постоянно молится вместе с королевой. А на самом деле у нее сначала была свита в шестьдесят человек, и она ужасно переживала, когда ей оставили «всего» тридцать человек, да и потом чуть не умерла от огорчения, оставшись с двумя секретарями-мужчинами, несколькими женщинами для услуг, вышивальщицей и одним-двумя поварами. Кстати, Елизавета платила им из собственного кошелька. Она платила двадцать лет, и двадцать лет Мария Стюарт сторговывала шотландскую корону любому европейцу, готовому начать революцию и вернуть ей трон, который она потеряла, а если повезет, то и трон Елизаветы.

Грант взглянул на Марту и удивился тому, что она улыбается.

– Теперь их меньше? – спросила она.

– Кого?

– Колючек.

Он рассмеялся:

– О да. Я не вспоминал о них целую минуту. Все-таки одно доброе дело, которое можно записать на счет Марии Стюарт.

– Откуда ты о ней столько знаешь?

– Когда-то, еще в школе, писал эссе.

– И она тебе не понравилась?

– Мне не понравилось то, что я о ней узнал.

– Ты не считаешь ее трагической личностью?

– Как раз считаю, только совсем по другой причине. Ее трагедия в том, что она, королева, родилась со взглядами провинциальной домохозяйки, которой хочется одержать верх над миссис Тюдор с соседней улицы. В сущности, нет ничего забавнее и безобиднее. Такое может

привести разве лишь к тому, что окажешься по уши в долгах, но это уж кому как нравится. Если же подобной домохозяйке подвластно целое королевство, беда неминуема. Отдавать в заклад страну с десятиллионным населением ради того, чтобы одержать верх над королевой-соперницей! Неудивительно, что Мария Стюарт печально закончила свою жизнь, – сказал Грант и замолчал, что-то обдумывая. – Она была бы лучшей на свете учительницей в школе для девочек.

– Что ты говоришь!

– Я не имел в виду ничего плохого. Коллеги бы ее любили, дети обожали. Она занимала не свое место, и в этом ее трагедия.

– Ладно-ладно. Не хочешь, не надо. Какие там еще у нас исторические загадки? Железная маска?

– Ничего не помню, но человек, не сорвавший с себя жестянку, меня не интересует. И вообще меня не интересует человек, лица которого я не вижу.

– Ах да. Как это я забыла о твоей страсти к лицам? Кстати, у Борджиа есть замечательные лица, и ты мог бы найти для себя не одну задачку. А Перкин Варбек? Толкаешь его туда-сюда, а он все на месте. Помнишь, есть такая игрушка?

Дверь приотворилась, и в проеме показалось родное домашнее лицо и неизменная, а потому тоже ставшая родной шляпка миссис Тинкер, которую Грант помнил со времени своего первого появления в ее доме. Он просто не представлял свою домоправительницу в другой шляпке, хотя знал, что у нее есть еще одна, потому что она иногда упоминала о «моей синей шляпе», но то было нечто необыкновенное во всех смыслах, и на Тенби-Корт в доме 19 миссис Тинкер в ней никогда не появлялась. Синяя шляпка служила мерилom значительности происходящего, и миссис Тинкер надевала ее в особых случаях. («Вам понравилось, Тинк? Как там было?» – «Нет, не стоило надевать синюю шляпу».) Она надевала ее в день свадьбы принцессы Елизаветы, ею отмечены некоторые другие события в королевском семействе, а также короткий репортаж в хронике: герцогиня Кентская перерезает ленточку... В общем, этот головной убор служил для оценки явлений, достойных надевания «моей синей шляпы».

– У вас гости, – сказала миссис Тинкер. – Я уже собралась уйти, но мне показалось, будто я узнала голос. Тогда я сказала себе: «Это всего-навсего мисс Халлард» – и вот решила войти.

Как всегда, миссис Тинкер принесла множество бумажных пакетов и пакетиков и еще маленький букетик анемонов. С Мартой она поздоровалась, как равная с равной, и Грант вспомнил, что в свое время она служила костюмершей и потому не испытывает благоговения перед театральными богинями. Потом она искоса взглянула на великолепную сирень, расцветавшую под руками Марты, не видевшей лица миссис Тинкер. Однако, заметив анемоны, Марта ловко разыграла сценку, словно год ее репетировала.

– Я выбрасываю кучу денег, чтобы порадовать тебя белой сиренью, а миссис Тинкер приносит полевые лилии и сводит на нет все мои усилия.

– Лилии? – недоверчиво переспросила миссис Тинкер.

– Они красивее Соломона, который во всей славе своей никогда не одевался так, как любая из них. А они не трудятся и не прядут².

Миссис Тинкер бывала в церкви только на свадьбах и крестинах, но принадлежала к тому поколению, которое еще посещало воскресные школы, поэтому с любопытством взглянула на пучок славы, зажатый у нее в руке.

– Вот оно что. Не знала. Так гораздо интереснее. А я всегда думала, что они сродни чертополоху, который растет вдоль любой канавы. Стоят они все-таки дороговато, а выглядят так себе. Значит, они бывают разного цвета? А почему в магазине об этом не говорят? И почему их называют лилиями?

² Евангелие от Матфея. Глава 6, стих 28.

Женщины обсудили перевод слова «анемон» и неточности в Писании («Я всегда удивлялась, зачем хлеб на воде», – сказала миссис Тинкер), и злополучный момент встречи был забыт.

Они все еще были заняты Библией, когда в палату вошла Пигалица с цветочными вазами. Грант обратил внимание, что они не годились для анемонов и, следовательно, предназначались для сирени, служили как бы паролем к дальнейшему диалогу, но Марту не интересовали женщины, если только она в данный момент не испытывала в них нужды, и такт, который она проявила в отношении миссис Тинкер, был всего лишь *avoir faire*³, годами выработанным рефлексом. Из величины социальной Пигалица была переведена в величину функциональную, и ей ничего не оставалось, как собрать выброшенные в раковину нарциссы и молча поставить их в вазу, а Грант впервые за долгое время наслаждался прекраснейшим в мире зрелищем – притихшей Пигалицей.

– Все, – сказала Марта, кончив колдовать над сиренью и поставив вазу так, чтобы он мог любоваться трудами ее рук. – Я ухожу и оставляю тебя на попечение миссис Тинкер. Пусть ни один пакет не будет обойден твоим вниманием. Дорогая миссис Тинкер, не может быть, чтобы ни в одном из них не было ваших знаменитых «холостяцких пуговиц».

Миссис Тинкер зарумянилась.

– Вам они нравятся? У меня здесь совсем свеженькие, прямо из духовки.

– Конечно, потом мне придется немножко поголодать, ваши кексики смертельно опасны для талии, но я не в силах удержаться. Всего парочку. Сегодня в театре я устрою себе роскошный чай. – Марта не спеша отобрала себе два кекса («я люблю порумяней») и положила их в сумку. – *Au revoir*⁴. Через пару дней загляну, и мы займемся вязанием. Ничто так не успокаивает, как вязание, правда, сестра?

– Правда-правда. Многие мужчины, заболев, начинают вязать. Им кажется, будто за вязанием быстрее летит время.

Послав Гранту воздушный поцелуй, Марта ушла в сопровождении преисполненной почтительности Пигалицы.

– Я бы очень удивилась, если бы мне сказали что-нибудь путное об этой девчонке, – раскладывая пакетики, сказала миссис Тинкер, и ясно было, что говорила она не о Марте.

³ Умение вести себя (*фр.*).

⁴ До свидания (*фр.*).

2

Марта пришла через два дня, но не принесла ни спиц, ни шерсти. Она впорхнула в палату вскоре после ленча в модной шляпе а-ля казак, сдвинутой набок с обдуманной небрежностью, которая, по-видимому, заставила ее на несколько минут задержаться у зеркала.

– У меня совсем нет времени, дорогой. Бегу в театр. Сегодня дневной спектакль. Господи, спаси и помилуй! Ну кто придет, кроме прислуги и дураков?! Так нет, гони играный-переигранный спектакль, в котором слова уже потеряли для нас всякий смысл. Мне уже кажется, мы от него никогда не отделаемся. Ужасно! Одно и то же, одно и то же! Вчера Джеффри заснул в середине второго акта. Будто его кто выключил. Я подумала, не случился ли с ним удар. А потом он сказал, что совершенно ничего не помнит.

– Провал в памяти?

– Да нет. Нет же. Он все делал автоматически, говорил, двигался, а сам в это время думал о другом.

– Судя по тому, что пишут критики, это не такое уж редкое явление.

– Сказать честно, не редкое. Джонни Гарсон, например, будет рыдать у кого-нибудь на груди, но если спросить, тотчас немедленно и совершенно точно ответит, сколько у него наличными. Но это не то. Не половина же действия! Представь, Джеффри выгнал из дому сына, поругался с любовницей, обвинил жену в связи со своим лучшим другом – и все это, думая совершенно о другом.

– О чем же?

– Говорит, решал, сдать или не сдать Долли Дакр квартиру на Парк-лейн, потому что Латимер, который теперь губернатор, продает свой особняк в стиле Карла II на Ричмонд-стрит и Джеффри хочется его купить. Он знает, что там нет ванных комнат, поэтому прикидывал, не переоборудовать ли ему под ванную маленькую комнату с китайскими обоями, которые очень украсили бы дальнюю комнату на первом этаже, отделанную панелями викторианской эпохи. К тому же он еще не знает, в каком там состоянии водопровод и канализация и хватит ли у него денег на полную замену труб и всяких там раковин. И вот, размышляя о кухонной плите и кустарнике у ворот, он вдруг обнаружил, что произносит монолог перед девятьюстами восьмьюдесятью семью зрителями... А, одну книжку ты все-таки осилил.

– Да, это о горах; не книжка, а подарок судьбы. От картинок не оторвешься. Знаешь, только горы могут так наглядно показать перспективу.

– А звезды?

– Нет. Звезды делают из нас амеб. Они отбирают у нас гордость и уверенность в себе. А снежная гора дает верную оценку человеческому бытию. Я лежал тут, разглядывал картинку и благодарил Бога, что не карабкаюсь на Эверест. Больничная койка показалась мне раем. Тепло, спокойно, безопасно. А Пигалица и Амазонка – просто высшее достижение цивилизации.

– Вот тебе еще картинки.

Марта разорвала конверт и высыпала Гранту на грудь несколько фотографий.

– Что это?

– Лица, – сказала она, не скрывая своего удовольствия. – Полным-полно лиц. Мужчины, женщины, дети. На любой вкус.

Грант взял одну фотографию. С портрета XV века на него смотрело женское лицо.

– Кто это?

– Лукреция Борджиа. Правда, похожа на гусыню?

– Что-то есть... Ты думаешь, с ней связана некая тайна?

– Конечно. Кто знает, может, она была соучастницей брата, а мы жалеем ее как слепое орудие в его руках.

На следующем снимке был запечатлен портрет мальчика в платье конца XVIII века. Внизу с трудом можно было прочесть: «Людовик XVII».

– А это прелесть, а не тайна, – сказала Марта. – Дофин. То ли ему удалось спастись, то ли он умер в неволе.

– Где ты их раздобыла?

– Вытащила Джеймса из «Виктории и Альберта», и он отвез меня в магазин. Без него я не справилась бы, а ему все равно нечего делать.

В этом вся Марта. Если государственный служащий – еще и драматург, и специалист по портретам, он должен с радостью бросить работу и бежать с ней по магазинам.

Грант рассматривал портрет елизаветинской эпохи, на котором был изображен мужчина в бархате и жемчугах. На обратной стороне фото значилось, что это граф Лестер.

– Вот он какой был – Елизаветин Робин, – сказал он. – В первый раз его вижу.

Марта тоже взглянула на немолодое одутловатое лицо.

– Мне только что пришло в голову, – задумчиво проговорила она, – одна из главных исторических трагедий заключается в том, что художники слишком поздно пишут портреты знаменитых людей. Наверняка Робин был очень хорош собой. Говорят, Генрих VIII в молодости был ослепительно красив, а что от него осталось? Портрет, который годен разве лишь на игральную карту. Зато мы знаем, каким был Теннисон до того, как отрастил свою ужасную бороду. Ладно, я должна бежать, а то опоздаю. Слишком много народу было на ленче в «Благ», и я никак не могла уйти пораньше.

– Надеюсь, ты его очаровала, – сказал Грант, многозначительно глядя на ее шляпу.

– Конечно. Она хорошо разбирается в шляпах. Хватило одного взгляда.

– Она?!

– Ну, естественно, Маделин Марч. И это я пригласила ее на ленч. Что тебя удивляет? Да ты еще и бестактен к тому же! Я хочу, и тебе следовало бы об этом знать, чтобы она написала для меня пьесу о леди Блессингтон. Но там было столько народу, что, по-моему, я не произвела на нее должного впечатления. Ничего. Зато я прекрасно ее накормила и вспомнила, что Тони Биттмейкеру пришлось кормить семерых. Вино текло рекой. А ты думаешь, он почему еще держится?

После ее ухода целый день он рассматривал фотографии и не замечал, как идет время. Грант начал изучать человеческие лица задолго до службы в Скотленд-Ярде, потом это увлечение стало не только доставлять ему удовольствие, но и помогать в работе. Как-то раз, еще в самом начале, он попал на опознание вместе со своим начальником. К делу они не имели никакого отношения, оба были случайными зрителями, но решили остаться и внимательно следили за тем, как мужчина и женщина по очереди проходили вдоль шеренги из двенадцати чем-то похожих друг на друга мужчин, выискивая того, которого следовало опознать.

– Кто, как вы думаете? – спросил шеф.

– Не знаю, – ответил Грант, – но догадаться нетрудно.

– Да? Который же?

– Третий слева.

– В чем его обвиняют?

– Понятия не имею. В первый раз его вижу, – сказал Грант и удостоился недоверчивого взгляда начальника.

После опознания одиннадцать мужчин сразу же отошли в сторону и стали поправлять воротнички и галстуки перед выходом в тот мир, который они ненадолго покинули, чтобы помочь правосудию. И только один не тронулся с места – третий слева. Он дожидался конвоя и возвращения в камеру.

– Черт возьми! – не скрыв удивления шеф. – Один шанс из двенадцати. Здорово! Грант узнал вашего подопечного! – обратился он к стоявшему неподалеку инспектору.

– Вы его узнали? По-моему, он попался в первый раз.

– Да нет, я его никогда не видел и не имею ни малейшего представления, чем он занимается.

– Тогда как вы его узнали?

Грант медлил с ответом, потому что не знал, как объяснить. Ведь проще всего сказать: «У этого человека такое-то и такое-то лицо, следовательно, он преступник». Однако все дело в том, что вычислил он его почти интуитивно, значит, ответ прятался в подсознании. Изрядно помучившись, Грант объявил:

– Только у него не было на лице морщин.

Шеф и инспектор рассмеялись. Но Грант, впервые проверявший свою интуицию логическим анализом, понял ее механизм.

– Может быть, звучит глупо, но... Если у взрослого человека лицо без морщин, это обязательно идиот.

– Но Фирман не идиот, уж поверьте, – перебил его инспектор. – Очень смысленный парень. Точно.

– Вы правы. Я только хотел сказать, что идиоту несвойственно чувствовать себя ответственным за что-либо. Он – эталон безответственности. Все мужчины, что были тут, лет тридцати, и только у одного из них безответственное лицо. Поэтому я его и отметил.

Потом в Скотленд-Ярде долго шутили, что Грант «берет преступников на глазок». А помощник комиссара один раз даже поддразнил его:

– Вы что же, считаете, что у преступника особое лицо?

Грант поспешил его заверить, что как раз нет, совсем наоборот:

– Если бы все преступления были одинаковые, тогда, сэр, такое могло бы быть, но мы знаем, что у нас океан преступлений и душа человеческая необъятна, как океан. Если полицейскому придет в голову заняться систематизацией лиц, он просто-напросто утонет в бумажках. Все знают, как выглядит сексуально озабоченная женщина на Бонд-стрит между пятью и шестью часами вечера, тогда как самая известная в Лондоне нимфоманка по виду святоша из святош.

– Да нет, в последнее время она слишком много пьет.

Собеседник Гранта сразу понял, о ком речь, и разговор перешел на другую тему.

Интерес Гранта к лицам усиливался и стал походить на целенаправленное исследование. Он постоянно занимался сбором данных и их сравнительным анализом. Он был уверен, что систематизировать лица по группам невозможно, но это, однако, не могло помешать характеристике конкретного лица. Проглядывая в газете репортаж с фотографиями действующих лиц о каком-нибудь шумевшем процессе, Грант ни разу не спутал судью и подсудимого. Случалось, он мог заподозрить подсудимого в адвокате, ибо адвокат ничем не отличается от всего остального человечества, так же порочен и жаден, как все люди. Только судья всегда выглядит честным и беспристрастным. В парике или без парика, он всегда остается судьей.

Мартин Джеймс, вытащенный Мартой в магазин из своей «дыры», несомненно, получил удовольствие сам и доставил удовольствие Гранту, который не скучал ни минуты до самого прихода Пигалицы. Она принесла чай, и Грант принялся собирать фотографии, разбросанные по всей постели, как вдруг обнаружил одну, ускользнувшую от его внимания.

Она была сделана с портрета мужчины лет тридцати пяти – тридцати шести, с худым бритым лицом, в бархатном берете и камзоле с прорезями по моде конца XV века. Богато украшенный жемчугом воротник и кольцо, которое он как раз надевал на мизинец правой руки, дополняли картину. Но взгляд мужчины был устремлен не на кольцо, а в пространство.

Из всех портретов этот показался Гранту самым значительным. Художник словно хотел и не мог перенести на холст нечто неподвластное его таланту. Ему не удалось выражение глаз,

притягивавшее к себе и непонятное. Не удался подвижный тонкогубый рот. Зато он мог бы гордиться высокими скулами, провалами щек, выступающим подбородком.

Грант не переворачивал фотографию, увлекшись необычным лицом. Кому оно принадлежало? Судье? Солдату? Королю? Этот человек привык к грузу ответственности, и если был облечен властью, то относился к ней серьезно. Он был в высшей степени честен. Склонен к сомнениям. Стремился к совершенству. С легкостью принимал решения и увязал в мелких делах. Вероятно, он часто болел в детстве, поскольку смотрит на мир не так открыто, как люди, которые росли здоровыми. Хотя у него и не взгляд калеки, он явно нездоров (язва желудка?). Художник тоже это понял и сумел передать. Припухшие веки, как у заспавшегося ребенка, нездоровая кожа, взгляд старика на молодом лице.

Грант перевернул фотографию.

На обратной стороне он прочитал: «Ричард III. Портрет кисти неизвестного художника. Национальная портретная галерея».

Ричард III.

Вот оно что. Ричард III. Горбун. Чудовище, которым пугают детей. Само его имя давно сделалось нарицательным.

Грант снова взгляделся в лицо. Почему же художнику не удалось глаза? Что он увидел в них? Муки совести?

Грант долго не мог оторваться от удивительных глаз на портрете, продолговатых и близко посаженных, от чуть насупленных бровей, как у человека, озабоченного множеством проблем, но в то же время чрезвычайно порядочного. Сначала Гранту показалось, что человек на портрете пристально разглядывает его, однако немного погодя он понял: это не так, мысли Ричарда III витают где-то далеко отсюда.

Уже и Пигалица вернулась за подносом, а Грант все смотрел на портрет. Давно ему не было так интересно. В сравнении с открывшимися сейчас глубинами даже Джоконда показалась бы не более чем манекенщицей, рекламирующей готовое платье.

Пигалица увидела нетронутую чашку, провела рукой по остывшему чайнику для заварки и надула губки, словно говоря: «Что, мне делать больше нечего, как зазря таскать подносы с чаем?»

Грант показал ей фотографию. Если бы этот человек лежал у нее в палате, что бы она о нем сказала?

– Печень, – решительно заявило это современное чудо из жесткого крахмала и светлых кудряшек, повернулось и покинуло палату, подчеркнутым перестуком каблучков выражая Гранту свое неудовольствие.

Рассекая воздушные волны, поднятые Пигалицей, вошел добрый и немного легкомысленный хирург. Он несколько минут разглядывал фотографию, потом сказал:

– Полиомиелит.

– Детский паралич? – переспросил Грант и тотчас вспомнил, что у Ричарда III сохла рука.

– Кто это?

– Ричард III.

– Правда? Очень любопытно.

– Вы знаете, что у него высохла рука?

– Да? Нет, не помню. Кажется, он был горбатым.

– И это тоже.

– Зато я помню, что он родился с полным набором зубов и ел живых лягушек. Кажется, я не ошибся в диагнозе.

– Удивительно. А почему именно полиомиелит?

– Если честно, не знаю. Вероятно, из-за выражения лица. Такое всегда бывает у больного ребенка. Но если он родился горбатым, я мог ошибиться. А художник-то вроде горб не нарисовал?

– Да нет. Художники, работавшие при дворе, были людьми тактичными. Только во времена Кромвеля начали писать портреты «со всеми бородавками»⁵.

– Что касается меня, – сказал хирург, привычно осматривая шину на ноге Гранта, – то я считаю, что Кромвель изобрел снобизм шиворот-навыворот, от которого мы все сегодня страдаем. «Я самый обычный человек, самый-самый обычный, во мне нет ничего такого». Заодно нет умения себя вести, соблюдать приличия. – Грант видел, с каким нескрываемым интересом врач уцепился за палец. – Эта болезнь страшнее многих. Чудовищное извращение. Кое-где в Штатах доходит до того, что политическая карьера может рухнуть из-за не так повязанного галстука или пиджака не того покроя. Ерундистика. Идеал – когда все на всех похоже. Ну что ж, вроде поправляемся, – заключил он, закончив обследование большого пальца на правой ноге Гранта. – А все-таки любопытно, болел он полиомиелитом или нет? Наверное, болел, судя по руке, – размышлял хирург, не двигаясь с места. – Очень любопытно. Портрет убийцы. Как по-вашему, похож он на убийцу?

– Нет. Знаете, убийства бывают самые разные, но ни один из убийц, которых я помню по собственной практике или по занятиям в архиве, не похож на него.

– Несомненно, он hors concours⁶ среди своих. К тому же ему были неведомы угрызения совести.

– Да.

– Мне довелось видеть, как его играл Оливье. Он показал захватывающую картину абсолютного зла. Все время балансировал на грани гротеска, но ни разу не оступился.

– Взяв в руки этот портрет, вы не подумали, что перед вами преступник? – спросил Грант.

– Нет, – ответил хирург. – Я подумал: этот человек болен.

– Странно, не правда ли? И я тоже. А потом я прочитал, кто это, и теперь не могу не видеть в нем преступника.

– Мне кажется, злодейство, подобно красоте, не существует без зрителя. Ну, хорошо, я еще загляну к вам на этой неделе. Сильных болей не бывает? – И он ушел, добрый и легкомысленный врачеватель.

Грант никак не мог отложить в сторону фотографию (его самолюбие было всерьез задето: принял за судью одного из самых страшных преступников всех времен, не распознал убийцу под благообразной внешностью) и еще долго упрекал себя за некомпетентность, пока ему не пришлось в голову, что принесенная Мартой фотография не что иное, как иллюстрация к очередной исторической загадке.

Но что за тайна связана с Ричардом III?

И Грант вспомнил: Ричард убил своих племянников, но никто не знает как. Они просто исчезли, когда, если он правильно помнит, Ричарда не было в Лондоне. Он послал к ним кого-то. Однако все это одни догадки. Уже при Карле II нашли два скелета под какой-то лестницей и перезахоронили их. Решили, что это и есть принцы, хотя не было никаких доказательств.

Удивительно, до чего же плохо мы знаем историю, даже получив хорошее образование. Ему известно о Ричарде лишь то, что он был младшим братом Эдуарда IV. Эдуард же был красавцем блондином, шести футов ростом и пользовался грандиозным успехом у женщин. Ричард захватил трон после его смерти, хотя у Эдуарда были прямые наследники, которых горбун убил как соперников. Еще Грант помнит, что Ричард погиб в битве при Босуорте, перед смертью приказал привести коня и был последним в своем роду, в роду Плантагенетов.

⁵ Речь идет о приказе Кромвеля, отданном художникам.

⁶ Вне конкурса (*фр.*).

Любой школьник, переверачивая страницу с описанием жизни Ричарда III, испытывает облегчение, потому что от бесконечных перипетий войны Алой и Белой розы переходит к скучной, но легко запоминаемой истории Тюдоров.

– У вас, случайно, не сохранился учебник истории? – спросил Грант Пигалицу, когда она зашла к нему вечером.

– Учебник истории? Нет. Зачем он мне?

Хотя этот риторический вопрос не требовал ответа, молчание Гранта показалось ей обидным.

– Если вам вправду нужен учебник истории, – сказала она чуть погодя, – спросите у сестры Даррелл, когда она придет с ужином. По-моему, она таскает за собой все учебники. Они у нее в комнате на полке.

Похоже на Амазонку! Наверное, все еще скучает по школе, недаром она сама не своя, когда зацветают нарциссы. Едва дождавшись ее появления с тушеным ревенем и творожным пудингом, Грант в первый раз смотрел на ее неуклюжую фигуру почти с приязнью. Сейчас он видел в ней не чересчур крупную женщину с тяжелым дыханием, а возможную обладательницу вожделенной книги.

– О да. Учебник истории. У меня их даже два. Я любила школу, вот и сохранила все учебники.

Грант с трудом удержался, чтобы не спросить, не хранит ли она заодно и своих кукол, но вовремя одернул себя.

– Правда-правда, я любила историю, – лепетала Амазонка. – Любила больше всех других предметов, а мой любимый король – Ричард Львиное Сердце.

– Вот уж нахал из нахалов!

– Как вы можете? – обиделась Амазонка.

– У него была увеличенная щитовидная железа. – Грант не знал жалости. – Вот он и метался туда-сюда, как ракета, пущенная неумелым пиротехником. Вам еще долго сегодня?

– Вот накормлю всех ужином...

– Значит, сможете принести учебник сегодня?

– Ночью надо спать, а не читать учебники истории.

– Лучше учебник, чем потолок. Так принесете?

– Вряд ли мне захочется идти к себе, а потом возвращаться обратно ради человека, который плохо говорит о Ричарде Львиное Сердце.

– Ладно, – сдался Грант. – Мученика из меня не выйдет. Если вам так хочется, Ричард Львиное Сердце – самый замечательный рыцарь, *chevalier sans peur et sans reproche*⁷, безупречный воин, трижды кавалер Ордена за боевые заслуги⁸. Ну, принесете учебник?

– Одна история у вас в голове, – буркнула Амазонка, поправляя сбившуюся простыню большими ласковыми руками. – Принесу я вам книгу, все равно вечером пойду в кино.

Она пришла через час в немыслимых размеров пальто из верблюжьей шерсти. Горела одна настольная лампа, и она материализовалась в полумраке палаты как добрый ангел.

– Я-то думала, вы уже спите, – сказала Амазонка. – Не надо сейчас читать.

– Единственное, чего я еще не пробовал в качестве снотворного, – это учебник истории. Идите в кино с чистой совестью.

– Мы с сестрой Берроуз.

– Тем более.

– С вами нужно ангельское терпение, – с мягким укором заметила Амазонка и растворилась во мраке.

⁷ Рыцарь без страха и упрека (*фр.*).

⁸ Орден учрежден в 1868 г.

Она принесла две книги.

Одна состояла из популярных рассказов на исторические темы и имела такое же отношение к истории, как библейские легенды к Священному Писанию. Канут на берегу моря ругает своих военачальников, у Альфреда горят лепешки, Рейли бросает плащ под ноги Елизавете, Нельсон прощается с Харди в каюте «Виктории». Все это изложено длинными фразами на целый параграф и отпечатано крупным шрифтом, да еще каждый эпизод иллюстрируется картинкой на всю страницу.

Было что-то удивительно трогательное в том, как Амазонка дорожила своими детскими книжками. Перевернув обложку, Грант увидел на одной из пустых страниц:

*Элла Даррелл
Класс III
Средняя школа
Ньюбридж
Глостершир
Англия
Европа
Земля
Вселенная*

А вокруг красочные переводные картинки.

Интересно, подумал Грант. Наверное, все дети пишут в книгах свои имена и переводят на уроках картинки. Он-то уж точно это делал. И Грант впервые за много лет вспомнил свое детство. Вспомнил наслаждение, которое получал, когда видел, как все замечательно получается. Ну, с чем в мире взрослых сравнишь это? Разве что с удовольствием от точного удара, когда играешь в гольф? Или... Когда натягивается леска, и знаешь: рыбе уже не сорваться.

Книжечка так ему понравилась, что он прочитал ее до конца, наслаждаясь каждой из детских историй без исключения. Да и какой взрослый их не знает? Они остались в памяти вместе с задачками на тонны и фунты, с литургией Лода, амбарным заговором и трехгодичными актами, тогда как бесконечная путаница из версий и скандалов, союзов и предательств постепенно испарилась.

Наконец Грант добрался до рассказа о Ричарде III, который назывался «Принцы в Тауэре». Юная Элла, по-видимому, не очень интересовалась принцами, особенно в сравнении с Ричардом Львиное Сердце, потому что все строчные «о» были аккуратно заштрихованы карандашом. На картинке два золотоволосых мальчика в пририсованных очках играли на фоне зарешеченного окна, а на соседней странице осталась память о давних сражениях в крестики-нолики. С Эллой принцам не повезло.

Тем не менее история оказалась довольно захватывающей, хотя для детского сердца, вероятно, излишне мрачной. Невинные младенцы. Чудовище-дядя. Обычный набор классического повествования.

Была и мораль, как в настоящей сказке:

Королю не пришлось воспользоваться плодами своего преступления. Народ Англии ужаснулся его жестокостью и не захотел больше терпеть его власть. Поэтому снарядили посла во Францию к Генриху Тюдору, дальнему родственнику Ричарда, чтобы просил он его возвратиться в Англию и стать королем. Ричард сражался храбро, но все равно погиб, потому что народ ненавидел его и воины покидали его, чтобы стать на сторону Генриха.

Все просто, в лоб, зато без пошлостей. Говоря по-современному: лаконичный репортаж.

Грант взял другую книгу.

Вот это был настоящий школьный учебник. Двухтысячелетняя история Англии оказалась аккуратно разложенной для удобства детей по полочкам-параграфам. Полочки, естественно, соответствовали правлению того или иного монарха, поэтому рассматриваемое историческое лицо припиливалось к одному королю, хотя могло быть связано и с другими. Классификация чисто механическая. Пепис – Карл II. Шекспир – Елизавета. Мальборо – королева Анна. А ведь человек, живший при Елизавете, мог также жить и при Георге I. Ребенка с малолетства приучали к тому, что монархия – это замечательно.

Однако такая классификация была слишком простенькой для полицейского с поврежденным позвоночником и ногой на вытяжке, который решил поохотиться за информацией о давно почивших властителях Англии, чтобы не сойти с ума от безделья.

Грант очень удивился, обнаружив, что Ричард III просидел на троне всего ничего, а сумел стать одним из самых знаменитых королей, что, несомненно, говорило о его неординарности. Если Ричард не привязывал к себе людей дружескими узами, то уж влиять-то на них умел.

Авторы учебника, похоже, также не сомневались в его способностях.

Ричард был очень умен и неразборчив в средствах. Он откровенно потребовал коронации на том абсурдном основании, что брак его брата с Елизаветой Вудвилл был незаконным, следовательно, их дети не могли претендовать на престол, и его поддержали те, кто опасался остаться в меньшинстве. Ричард начал свое правление с путешествия на юг страны, где его хорошо принимали, но, пока его не было, исчезли оба маленьких принца, которые жили в Тауэре, и все решили, что их убили. Последовавшее за этим крупное восстание было подавлено с большой жестокостью. Чтобы хоть отчасти вернуть себе утраченную популярность, Ричард утвердил парламент, который принял некоторые полезные акты (против поборов, лжесвидетельства и так далее).

Через некоторое время последовало второе восстание. Генрих Тюдор, глава Ланкастеров, привел в Англию французские войска, в результате чего произошла Босуортская битва, окончившаяся из-за вероломства Стэнли победой Генриха. Ричард дрался храбро, но погиб и оставил после себя славу не менее позорную, чем принц Джон.

Трудно что-нибудь понять в этой путанице поборов и лжесвидетельств.

И с какой стати англичане приняли короля, навязанного им французами?

Ну конечно, Франция в смутное время войны Роз воспринималась как бы вместе с Англией, во всяком случае, она была ближе сердцу англичанина, чем Ирландия. В XV веке он бывал во Франции почти запросто, а в Ирландию всегда ехал против воли.

Грант лежал и думал об Англии. О той Англии, над зелеными полями которой гремела война Алой и Белой розы, но еще не дымили трубы. Об Англии неперегороженной, с бесконечными лесами, где водился зверь, и необъятными болотами, где было полно птицы. Об Англии, в которой через каждые несколько миль путешественнику открывались одни и те же строения: замок, церковь, крестьянские дома; монастырь, церковь, крестьянские дома; поместье, церковь, крестьянские дома. Вокруг селений земля была обработана, а дальше сколько хватало глаз простирались зеленые луга. Утопанные дороги с глубокими колеями бежали от селения к селению, зимой чернели грязью, летом белели пылью, а по обочинам цвел шиповник или боярышник, в зависимости от сезона.

Тридцать лет над этой зеленой малолюдной землей гремела война. Однако она напоминала скорее кровавую междоусобицу. Монтекки и Капулетти выясняли отношения, до которых не было дела простому англичанину. Никто не врывался к нему в дом с вопросом: «Лан-

кастер или Йорк?» – и не тащил его в концентрационный лагерь, если получал неподходящий ответ. Это была, в сущности, война родственников. Они дрались на чьем-нибудь поле, превращая кухню хозяина в перевязочный пункт, потом скакали дальше и дрались где-нибудь еще, а через пару недель можно было узнать, чем все закончилось, если это кого-то интересовало, например, из-за семейных связей жены. Похоже на бесконечное соперничество футбольных команд. Кстати, никого не преследовали за поддержку соперничающего клана, как не преследуют фанатов «Арсенала» или «Челси».

Грант все еще размышлял о зеленой Англии, когда почувствовал, что засыпает. А ведь он ни на йоту не продвинулся в изучении судьбы юных принцев...

3

– А кого-нибудь посимпатичнее нельзя было найти? – спросила утром Пигалица, кивая на портрет Ричарда III, который Грант прислонил к стопке книг на тумбочке.

– Вам не нравится его лицо?

– Нравится?! Да оно меня в дрожь вгоняет.

– В учебнике истории сказано, что он был талантливым человеком.

– Синяя Борода тоже был талантливым.

– И кажется, довольно популярным.

– И Синяя Борода тоже.

– А кроме того, он был храбрым воином, – поддел Грант противницу Ричарда. – И жен не убивал.

– Для чего он вам понадобился? Кто это?

– Ричард III.

– А! Вот оно что!

– То есть вы таким его и представляли?

– В точности таким.

– Почему?

– Разве он не убийца?

– Оказывается, вы еще помните кое-что из истории.

– Это все знают. Он убил своих племянников. Бедняжки! Задушил их.

– Задушил? – не без интереса переспросил Грант. – Я не знал.

– Задушил подушками.

В это время она, маленькими сильными ручками взбив подушки, умело подложила их Гранту под голову.

– Почему же задушил, а не, скажем, отравил? – не отставал от нее Грант.

– Понятия не имею. Меня там не было.

– С чего же вы взяли, что он их задушил?

– Прочитала в учебнике истории.

– Правильно. А откуда это появилось в учебнике истории?

– Откуда? Ниоткуда. В учебниках пишут только правду.

– А кто их задушил, там тоже было написано?

– Да, Тиррел. А вы что, не учили историю?

– Кто такой Тиррел?

– Не знаю. Кажется, друг Ричарда.

– А откуда известно, что это сделал именно он?

– Он исповедался.

– Исповедался?

– Естественно. После того, как его признали виновным, и до того, как повесили.

– Значит, Тиррела повесили за убийство принцев?

– Ну да. Можно я уберу эту фотографию и поставлю другую? Ведь мисс Халлард принесла вам другие, куда симпатичнее.

– Зачем мне симпатичные? Мне нужны страшные лица убийц, но убийц талантливых.

– Что ж, на вкус и цвет... – как и ожидалось, произнесла Пигалица. – Слава Богу, мне не обязательно на него глядеть. Но я вам скажу, пока он тут, кости у вас не срастутся.

– Ладно, запишем и их на счет Ричарда III. Чуть меньше злодеяний, чуть больше, какая разница?

Не забыть бы спросить у Марты насчет Тиррела. С образованием у нее, правда, не очень, но она училась в привилегированной школе, может, что и помнит.

Однако первым посетителем в этот день оказался большой, розовый, словно ребенок после мытья, сержант Уильямс, и Грант, тотчас позабыв об истории, обратился к современности. Уильямс с трудом примостился на неудобном стуле, широко расставил ноги, и его светлоголубые глазки засветились на солнце, как у довольной кошки. Грант относился к Уильямсу с симпатией, и ему было приятно поболтать с ним, послушать последние сплетни, узнать новости.

– Начальник передавал привет, – сообщил Уильямс напоследок. – Он сказал, если что нужно, мы сделаем. – Его голубые глаза неотрывно смотрели на фотографию на тумбочке. Он даже голову склонил набок от напряжения. – Кто этот парень?

Грант уже хотел ответить, но вовремя вспомнил, что Уильямс – профессионал, привыкший разбираться в лицах не хуже его самого.

– Портрет неизвестного художника пятнадцатого века. Как он вам?

– В этом я ничего не понимаю.

– Да не о художнике я, о парне.

– Ага. – Уильямс склонился над портретом, нахмутив брови и изображая высшую степень сосредоточенности. – А собственно, что вы имеете в виду?

– Куда бы вы его посадили – на место судьи или подсудимого?

Уильямс некоторое время размышлял, а потом голосом, не допускающим и тени сомнения, произнес:

– Конечно, судьи.

– Да?

– Конечно. А что, вы против?

– Нет. Просто забавно, что вы тоже ошиблись. Он подсудимый.

– Странно, – не поверил Уильямс и вновь впился глазами в фотографию. – Вы знаете, кто это?

– Знаю. Ричард III.

Уильямс свистнул:

– Вот оно что. Принцы в Тауэре и так далее. Злой дядюшка. Конечно, если знать, тогда... А так, нет, никогда не подумаешь. Горбун, значит. Как старый Халсбери, у которого если и был недостаток, так это чрезмерная доброта. Он из кожи вон лез, только бы присудить поменьше.

– Вы помните, как были убиты принцы?

– Я помню только, что мать носила Ричарда два года.

– Да? Откуда вы это взяли?

– Из школьного учебника, наверно.

– Что за школа у вас была такая? Я ничего подобного не читал. Право, не исключено, что Библия и Шекспир не стареют благодаря учителям. Надо же так все переворачивать! Ну, а о человеке по имени Тиррел вы слышали?

– Да. Он служил во флоте и утонул в Египте.

– Да нет. Я об историческом Тирреле.

– Я же вам говорю, что знаю из истории только две даты: 1066⁹ год и 1603.

– А что было в 1603 году? – спросил Грант, все еще поглощенный мыслями о Тирреле.

– Мы навечно прицепили к себе Шотландию.

– Что ж, все лучше, чем ждать, когда они вцепятся нам в горло. Говорят, это Тиррел убрал мальчишек.

– Племянников? Зачем ему? Ладно, мне пора. Что-нибудь надо?

⁹ Год завоевания Англии норманнами.

– Вы, кажется, собирались на Чаринг-Кросс-роуд?

– Да, в «Феникс».

– Могу я попросить вас об одолжении?

– Каком?

– Зайдите в книжный магазин и купите мне какую-нибудь историю Англии для взрослых. И еще, если удастся, «Жизнь Ричарда III».

– Конечно, о чем речь.

У двери Уильямс столкнулся с Амазонкой и застыл, пораженный зрелищем великанши в сестринской форме. В конце концов, едва слышно пробормотав «здравствуйте», он бросил вопросительный взгляд на Гранта и исчез в коридоре.

Амазонка сообщила, что должна идти к номеру четвертому купать его в ванне, но сначала ей непременно нужно убедиться в том, что он осознал...

– Что осознал?

– Каким благородным был король Ричард Львиное Сердце.

– Я еще не дошел до Ричарда I, но номер четвертый может подождать, пока вы мне расскажете все, что знаете о Ричарде III.

– Ах, бедные овечки! – вздохнула Амазонка, и ее большие коровьи глаза наполнились слезами.

– Кто?

– Прелестные маленькие мальчики. Мне в детстве иногда снилось, будто я сплю, а кто-то входит в комнату и накрывает мне лицо подушкой.

– Их задушили?

– Ну конечно. А вы разве не знали? Сэр Джеймс Тиррел приехал в Лондон, когда весь двор был в Варвике, и приказал Дайтону и Форресту их убить, а потом их закопали под лестницей и положили сверху много камней.

– Но об этом ничего не говорится в книгах, которые вы мне дали.

– Правильно, ведь это школьные учебники. В них никогда нет ничего интересного.

– Тогда позвольте вас спросить: откуда вы взяли милую историю о Тирреле?

– Это правда, – обиделась Амазонка. – Об этом есть у сэра Томаса Мора. А сэр Томас Мор был самым честным человеком во всей истории Англии.

– Согласен. С моей стороны было бы невежливо спорить с сэром Томасом Мором.

– Ну ладно. Об этом рассказывает сэр Томас Мор, а он жил в то время и был знаком со всеми.

– С Дайтоном и Форрестом?

– Ну конечно же, нет. С Ричардом и бедняжкой королевой.

– С королевой? Женой Ричарда?

– Ну да!

– А почему «бедняжкой»?

– Все из-за него. Говорят, он ее отравил, потому что хотел жениться на своей племяннице.

– Зачем?

– Потому что она была настоящей наследницей.

– А, понятно. Он избавился от племянников, а потом хотел жениться на своей племяннице.

– Он же не мог жениться на них.

– Да уж такое, думаю, даже Ричарду III не приходило в голову.

– Вот он и решил жениться на Елизавете, чтобы чувствовать себя безопаснее на троне. Она потом вышла замуж за другого короля. Мне всегда нравилось, что в Елизавете немножко крови Плантагенетов. Я не в восторге от Тюдоров. Мне пора. Еще придет начальница, а номер четвертый не помыт.

– Наступит конец света.

– Нет, мой, – выходя из палаты, ответила Амазонка.

Грант снова взялся за книгу и попытался прояснить для себя события, происходившие во время войны Роз. Бесполезно. Армии слонялись по всей Англии. Йорки и Ланкастеры, как в сумасшедшем калейдоскопе, сменяли друг друга в качестве победителей, и даже делать попытку как-нибудь разобраться в этом было безнадежно.

Грант понял одно: беда заключалась не в самих стычках, а в том, что семена их были посеяны столетием раньше, когда был свергнут с престола Ричард II. Грант еще в юности четыре раза ходил смотреть «Ричарда Бордоского» в Новом театре и все помнил. Три поколения незаконно занявших престол Ланкастеров правили Англией: Генрих, преемник Ричарда, – несчастливо, но довольно благоразумно; шекспировский принц Гарри, мечта о славе, сражался при Азенкуре. И наконец, его слабоумный сын. Неудивительно, что народ вновь захотел законной власти, наблюдая, как глупцы, посланные Генрихом VI во Францию, проигрывают там сражение за сражением, тогда как сам Генрих лелеет мысль об основании Итона и умоляет придворных дам уменьшить декольте.

Все Ланкастеры оказались фанатиками, что особенно резко бросалось в глаза после довольно либерального правления Ричарда II, защитника идеи: «Живи и давай жить другим». Три правителя сменили друг друга, но все так же горели костры, на которых сжигали еретиков. Что ж тут удивительного, что в народе возникло недовольство?

Оно усилилось с тех пор, как люди увидели герцога Йоркского, талантливого, разумного, терпимого, законного наследника Ричарда II. Может, никому особо и не хотелось, чтобы Йорк сверг простоватого Генриха, но уставшему народу нужно было, чтобы Йорк взял в свои руки правление страной и покончил с неразберихой.

Йорк попытался это сделать и погиб в сражении, а его семья потом много лет провела в изгнании.

Однако когда волнения поутихли, на троне Англии оказался его сын, который сражался вместе с ним, и потекла простая, мирная жизнь под властью молодого, светловолосого, очень красивого и распутного, что не мешало ему быть проницательным, Эдуарда IV.

Вот и все, что Грант узнал о войне Алой и Белой розы.

Оторвавшись от книги, он увидел прямо перед собой старшую сестру.

– Я стучала, – сказала она, – но вы были так поглощены чтением...

Она стояла неподвижно, стройная, отрешенная от всего, что было за пределами больницы, не менее элегантная, чем Марта, но с единственным украшением – серебряным значком медицинской школы, которую она окончила. Грант смотрел на нее и пытался представить, кому еще присуще столь же непоколебимое достоинство и самообладание, которыми отличаются старшие сестры больших больниц.

– Зачитался историей, – заговорил Грант. – Поздновато, конечно.

– Великолепный выбор, – вдруг сказала она. – Помогает установить перспективу. – Грант понял, что портрет ей знаком. – Вы за Йорков или Ланкастеров?

– Вы знаете, кто это?

– О да. Когда я была еще стажером, часто заходила в Национальную галерею. Денег получала мало, ноги болели ужасно, а там было тепло, спокойно и много скамеек. – Она грустно улыбнулась своим воспоминаниям. – Я любила там бывать, потому что портреты давали мне такое же ощущение перспективы, как хорошие исторические книги. Знаменитости. Они всю жизнь к чему-то стремились, а теперь от них остались лишь имена. Холст и краски. Насмотрелась я тогда на портреты. – Она взглянула на фотографию. – Несчастный человек, – неожиданно сказала она.

– Хирург считает, что в детстве он болел полиомиелитом.

– Полиомиелитом? – Она задумалась. – Может быть. Не знаю. Он мне всегда казался ужасно несчастным. У него самое грустное лицо из всех, какие я когда-либо видела.

– Как вы думаете, художник рисовал его уже после убийства?

– Конечно. Он не принадлежит к тому типу людей, которым хоть что-то дается легко. Он не такой. Наверное, он знал, как... омерзительно его преступление.

– По-вашему, он был не в ладу со своей совестью?

– Это вы хорошо сказали. Да. Он из тех людей, которые сначала чего-то очень хотят, а потом обнаруживают, что заплатили слишком дорого.

– Вы не считаете его законченным негодяем?

– Нет. Нет. Негодяи не мучаются, а он...

Несколько минут они молчали и смотрели на портрет.

– Знаете, наверно, это было похоже на возмездие. Смерть сына, потом жены. Он остался совсем один. Словно Бог его покарал.

– Он тосковал по жене?

– Они были родственниками и дружили с детства. Не знаю, любил он ее или нет, но они были друзьями. Редкая удача, особенно для сильных мира сего. Однако мне пора. Я хотела вас спросить, как вы себя чувствуете, но сейчас мой вопрос уже не имеет смысла. Не отвечайте. Очень хорошо, что вас занимает человек, которого уже четыреста лет нет на свете.

Вроде бы она только что стояла здесь, едва заметно улыбаясь, как бы даже сама себе, – и вот она уже возле двери. Эта женщина владела даром успокаивать душу. Как монахиня. Или королева.

4

После ленча прибежал запыхавшийся Уильямс с двумя толстыми книгами.

– Вы могли бы оставить их швейцару, – сказал Грант. – Я вовсе не предполагал, что вы потащите их наверх.

– Мне надо было предупредить вас, что я успел зайти только в один магазин, зато в самый большой, и купил вот это. – Он положил на тумбочку, стараясь казаться равнодушным, том в строгом зеленовато-сером переплете. – Они сказали, что это лучшее, что есть у них, и в других магазинах я все равно ничего не найду. Отдельной истории Ричарда III у них не было, зато они дали мне вот это.

«Это» оказалось книгой в веселенькой обложке с военными аксессуарами и называлось «Рейбийская Роза».

– Кто это?

– Его мать, по-моему. То есть Роза. Все, я бегу. Еще пять минут, и начальство спустит с меня шкуру. Извините, если что не так. Я посмотрю, может, найдется что-нибудь получше, и еще загляну к ним.

Грант был растроган чуть не до слез.

Сержант не успел дойти до конца коридора, а Грант, открыв «лучшую» историю Англии, уже выяснил, что эта так называемая «официальная» история, в сущности, умелая компиляция с неплохими иллюстрациями. Рисунок из Луттремитского псалтыря украшал главу о сельском хозяйстве четырнадцатого столетия. Глава о Великом пожаре была поделена пополам картой Лондона. Зато короли и королевы упоминались редко и вскользь. «История» Тэннера была сосредоточена на социальном прогрессе и политической эволюции. В ней можно было прочесть о черной оспе, введении книгопечатания, появлении пороха, создании торговой гильдии, но о королях и их родственниках мистер Тэннер вспоминал в случаях крайней необходимости. Такая необходимость возникла, например, в связи с введением книгопечатания.

К будущему лорду-мэру Лондона из южного Кента явился некто по имени Кэкстон и представился учеником торговца мануфактурой. Потом этот Кэкстон с деньгами, доставшимися ему по наследству от хозяина, двинулся в Брюгге. А в один августовский день два юных английских изгнанника стояли под проливным дождем на берегу моря в Нидерландах, и, какое совпадение, на помощь им пришел удачливый торговец из южного Кента. Изгнанниками были Эдуард IV и его брат Ричард. Когда же колесо истории повернулось и Эдуард возвратился в Англию, с ним прибыл Кэкстон, который напечатал для него – впервые в Англии – книги, написанные родственником короля.

Грант переворачивал страницы и не уставал удивляться убожеству информации об отдельных людях. Давным-давно читатели газет уяснили, что беды человечества не имеют ничего общего с горем одного человека. При известии о массовом разорении холодок ужаса может пробежать по позвоночнику, но сердце останется спокойным. В Китае погибла тысяча человек – это новость, ребенок утонул в пруду – это трагедия. Поэтому, наверное, историческое исследование мистера Тэннера, будучи превосходно выполненным, оставляло читателя равнодушным. Правда, временами повествование обретало эмоциональность.

Например, там, где он писал о Пастонсах, у которых была привычка записывать все вперемежку: впечатления об исторических событиях, заказы на масло для салата, замечания об учебе Климента в Кембридже. Так вот, между двумя хозяйственными записями нашлась фраза о том, что в их доме в Лондоне жили два маленьких мальчика из клана Йорков, Георг и Ричард, и к ним каждый день приезжал повидаться их брат Эдуард.

Интересно, подумал Грант, отложив книгу и уставив взгляд в потолок, интересно, а ведь до Эдуарда IV и Ричарда III ни один из королей не имел в прошлом такой «некоролевской»

жизни. И после них – разве лишь Карл II. Но Карл, даже в бедности и изгнании, для всех оставался королевским сыном, а маленькие мальчики, жившие в доме Пастонсов, были просто детьми из клана Йорков, которые и в лучшие времена вряд ли кого интересовали, а когда делалась запись, они уже не имели ни своего дома, ни надежд на будущее.

Грант взял «Историю» Амазонки посмотреть, что делал в Лондоне Эдуард. Оказалось, он собирал армию. «Лондон всегда поддерживал Йорков, и горожане с энтузиазмом становились под знамя юного Эдуарда», – гласила «История».

Не тогда ли, подумалось Гранту, родилась редкостная преданность Ричарда старшему брату, ничем не омраченная на протяжении почти всей жизни, которую и исторические книги не только не отрицают, но даже подчеркивают, выводя из нее следующую мораль: «Вплоть до самой смерти брата Ричард был ему преданным товарищем, несмотря ни на какие превратности судьбы, но потом искушение короной оказалось слишком велико». В другой книжке Амазонки об этом говорилось уже без всякого стеснения: «Он был хорошим братом Эдуарду, но когда понял, что сам может стать королем, не осилил своей жадности и его сердце окаменело».

Грант искоса посмотрел на портрет и решил, что автора занесло куда-то не туда. Если сердце Ричарда и стало каменным, случилось это все же не от жадности. Или историк имел в виду власть? Тогда возможно. Возможно.

Однако Ричард и так обладал властью, о какой только может мечтать смертный. Брат короля. Богат. Неужели желание подняться еще на одну ступеньку оказалось столь сильным, что он решился на убийство племянников?

Что-то не сходится.

Грант все еще никак не мог отделаться от сомнений, когда в палату вошла миссис Тинкер. Она принесла чистую пижаму и ежедневную сводку газетных новостей. В газетах миссис Тинкер читала только репортажи об убийствах. Тут она вчитывалась в каждое слово и даже покупала для себя вечернюю газету, когда возвращалась домой готовить ужин.

Сегодня Грант не сделал ни одной попытки прервать ее неторопливый рассказ об йоркширском убийстве и эксгумации трупа, но ее взгляд упал на нетронутую утреннюю газету, и она смолкла на полуслове.

– Вы неважно себя чувствуете? – озабоченно спросила она.

– Прекрасно, Тинк, прекрасно. А в чем дело?

– Вы не читали газету. Вот так было с моей сестрой, она тоже перестала читать газеты.

– Не беспокойтесь, Тинк, все в порядке. Видите, у меня даже настроение изменилось. А о газете я забыл, потому что читал исторические книги. Вы что-нибудь слышали о принцах в Тауэре?

– Все что-нибудь слышали о принцах в Тауэре.

– И вы знаете, отчего они умерли?

– Конечно, знаю. Когда они спали, он положил им на головы подушку.

– Да кто же?

– Их дядя. Злодей. Ричард III. Когда болеешь, не стоит читать о таких вещах. Лучше возьмите что-нибудь повеселее.

– Вы не очень спешите, Тинк? Не могли бы вы зайти на Сент-Мартинт-лейн?

– О, у меня есть время. Это к мисс Халлард? Но ее не будет там до шести.

– Я знаю. Вам надо только оставить ей записку.

Грант взял блокнот, ручку и написал: «Из любви к бездельнику отыщите «Историю Ричарда III» Томаса Мора». После этого он оторвал листок, сложил его и адресовал: «Мисс Марте Халлард».

– Оставьте его старому Сэкстону. Он сидит у служебного входа и сам ей отдаст.

– Если уж я войду в служебную дверь, то почему бы мне не посидеть в зрительном зале, – то ли размышляя, то ли утверждая, произнесла миссис Тинкер. – Сейчас мы его спрячем, чтобы не улетел.

Она опустила листок в дешевую потертую сумку, которая была так же неотделима от нее, как любимая шляпка. Каждый год на Рождество Грант дарил ей новую сумку, и все они были далеко не худшими произведениями английского кожаного искусства как по замыслу, так и по исполнению. Даже Марта взяла бы любую из них, собираясь на ленч в «Благ». Однако сумка бесследно исчезала в тот же день, а так как миссис Тинкер считала ломбард еще более неприличным местом, чем тюрьма, Грант не мог заподозрить, что она закладывает его подарки. Следовательно, все они лежат где-нибудь на дальней полке, завернутые в магазинную бумагу. Возможно, миссис Тинкер изредка доставала их, чтобы кому-нибудь показать или самой полюбоваться, и, наверное, сознание, что они у нее есть, радовало ее не меньше, чем некоторых радует мысль о деньгах, сбереженных на похороны. В следующий раз Грант был твердо намерен открыть потрепанную сумку миссис Тинкер, неизменное вместилище *a tout faire*¹⁰, и положить некую сумму в отделение для денег. Она, конечно же, растратит ее всю на мелочи, на что-нибудь совершенно ненужное, так что даже сама не будет знать, на что ушли деньги, но, может быть, горсточка маленьких радостей, подобно блесткам, украшающим будничную жизнь, стоит большего, чем умозрительное удовлетворение от владения замечательными вещами, запрятанными на дальнюю полку.

Миссис Тинкер ушла, скрип ее туфель и корсета затих за дверью. Грант вернулся к мистеру Тэннеру, чтобы обогатить свой мозг за его счет, однако это оказалось делом нелегким. Ни по своей природе, ни по профессии Грант не был склонен интересоваться человечеством в целом. Объектом его интереса был неизменно индивидуум. Он продирался сквозь приводимую мистером Тэннером статистику и мечтал о короле на дубовом троне, или о метле, привязанной к мачте, или о шотландце, вцепившемся в чужое стремя во время битвы. По крайней мере теперь он знал наверняка, что англичане в XV веке пили воду только в наказание. Английский труженик времен Ричарда III, по-видимому, был предметом восхищения для всего континента, о чем рассказал французский источник, частично процитированный мистером Тэннером:

Король Франции никому не разрешает есть соль, помимо той, что куплена у него самого и по его цене. Его войско ничего не платит населению, да еще варварски грабит его. Все виноделы отдают королю четвертую часть своего дохода. Все города ежегодно выплачивают королю огромные суммы на содержание его армии. Крестьяне живут в нищете и задавлены непосильным трудом. У них нет шерстяной одежды, и они носят короткие холщовые рубахи до колен. Обуви у них тоже нет. Женщины ходят босые. Они не едят мяса и лишь иногда кладут в суп свиной жир. Мелкопоместное дворянство живет не намного лучше. Если против кого-нибудь выдвигают обвинение, то допрос ведется без свидетелей, а приговор почти всегда предрешен заранее.

В Англии все не так. Никто не смеет войти в чужой дом без позволения хозяина. Король не имеет права вводить налоги, менять или придумывать законы. Англичане пьют воду только в наказание за что-нибудь и едят мясо и рыбу. Одеты они в добротное шерстяное платье, и в домах у них всего вдоволь. Если англичанина подозревают в злоумышлении, то его дело рассматривается в суде.

Грант думал о том, что если нет денег, а очень хочется поехать и узнать, как там Лиззи с первенцем, то, наверное, лучше осознавать, что в каждом богобоязненном доме найдется

¹⁰ Здесь: всего на свете (фр.).

приют и кусок хлеба, чем искать деньги на проезд. Зеленая Англия, с которой он уснул накануне, многое могла бы рассказать об этом.

Он листал страницы, посвященные XV веку, в поисках людей, удивительные судьбы которых могли бы осветить для него эпоху подобно лучам театрального прожектора, освещающего сцену. К сожалению, Тэннер больше интересовался общей картиной. Но он упомянул, что парламент Ричарда III был самым либеральным и прогрессивным из всех известных, и очень сожалел, что преступления этого короля вошли в противоречие с его очевидным стремлением к всеобщему благоденствию. Вот, в сущности, и все, что мистер Тэннер пожелал сказать о Ричарде III. За исключением Пастонсов, чьи записи, не подвергшись искажению, одолели века, другим людям не нашлось места в книге Тэннера.

Грант позволил сему сочинению соскользнуть с его груди и долго шарил по одеялу, пока под руку не попала «Рейбийская Роза».

5

Это был роман, но по крайней мере не такой тяжелый, как «История конституционной Англии» Тэннера. Почти исторический роман, в котором немножко истории и много разговоров. Короче, Ивлин Пейн-Эллис, кто бы ни скрывался за этим именем, написала историческую биографию, расцветив ее своим воображением, снабдив портретами и генеалогическим деревом, однако ни в коей мере не претендуя на то, что Грант и его кузина Лора называли «истиной в последней инстанции». Никаких «с точки зрения леди», «тем не менее», «нам кажется». Это была честная книжка с правильно поставленным освещением событий.

Да и само освещение, не в пример «Истории» Тэннера, было гораздо ярче.

Гораздо ярче.

Грант давно знал, если нет возможности познакомиться с интересующим человеком, лучший способ узнать его – повидаться с его матерью.

Итак, пока Марта не осчастливит его трудом святого Томаса Мора, он побеседует с Сисели Невилл, герцогиней Йоркской.

Первым делом Грант изучил генеалогическое древо и пришел к выводу, что оба Йорка, Эдуард и Ричард, не только, в отличие от других королей, узнали на себе, как живется простым людям, но к тому же были истинными англичанами. Он был изумлен, когда посмотрел на их родичей. Невилл, Фитцаллан, Перси, Холанд, Мортимер, Клиффорд, Одли, не говоря уже о Плантагенетах. Королева Елизавета (для которой, как известно, это составляло предмет гордости) была в полном смысле слова англичанкой, если не считать небольшой примеси валлийской крови. Однако монархи, сидевшие на троне в Англии, были полуфранцузами, полуиспанцами, полудатчанами, полуголландцами, полупортугальцами, и только Эдуард IV и Ричард III были настоящими англичанами.

Оба были безукоризненного происхождения как с материнской, так и с отцовской стороны. Дедушка Сисели Невилл – Джон Гонтский был третьим сыном Эдуарда III и первым Ланкастером. Значит, трое из пяти сыновей Эдуарда III были предками двух братьев Йорков.

«Принадлежать к роду Невиллов, – писала мисс Пейн-Эллис, – значило занимать высокое положение, ибо это был род богатых землевладельцев. Принадлежать к роду Невиллов почти наверняка значило быть красивым, поскольку все в этом роду были хороши собой. Принадлежать к роду Невиллов значило быть личностью, поскольку личное достоинство и сила духа ценились в этом роду превыше всего. Если же мы соединим три названные качества, то нам явится совершенство – Сисели Невилл, единственная роза Севера, расцветшая задолго до того, как Северу пришлось выбирать между белыми и алыми розами».

Мисс Пейн-Эллис утверждала, что Ричард Плантагенет, герцог Йоркский, женился на Сисели Невилл по любви. Грант отнесся к этому скептически, но чем больше он узнавал об их жизни, тем меньше сомнений у него оставалось. Каждый год Сисели рожала по ребенку. В XV веке это скорее служило подтверждением ее хорошего здоровья, нежели любви к обаятельному Ричарду. Однако если по обычаю жена сидела дома и стерегла кладовые, Сисели Невилл всегда была рядом с мужем – и дома, и в дальнем походе, что говорит об удовольствии, которое они находили в обществе друг друга. Их первая дочь Анна родилась в Фотерингэе, фамильном замке, Генри, умерший в младенчестве, – в Хэтфилде, Эдуард – в Руане, где герцог был по делам службы, Эдмунд и Елизавета – также в Руане, Маргарита – в Фотерингэе, Джон, умерший в младенчестве, – в Нете, в Уэльсе, Георг – в Дублине (не это ли стало причиной почти ирландского упрямства Георга), Ричард – в Фотерингэе.

Сисели Невилл не ждала мужа и повелителя в фамильном замке, а всю жизнь сопровождала его, куда бы он ни ехал, и это было серьезным аргументом в защиту теории мисс Пейн-Эллис. Да, такой брак можно назвать счастливым.

Вероятно, укоренившаяся в семье преданность друг другу сказалась и в ежедневных визитах Эдуарда к младшим братьям, когда они жили в доме Пастонса. Даже перед лицом беды семья оставалась сплоченной.

Грант понял это, неожиданно наткнувшись на письмо Эдуарда и Эдмунда, адресованное их отцу. Мальчики жили, получая необходимое образование, в замке Ладлоу, и в пасхальную субботу, когда гонец отправлялся к отцу, они крепко нажаловались на учителя. Они умоляли отца выслушать гонца, который все знает об их притеснителе. Свои жалобы, как ни горьки они были, мальчики завершили общепринятыми выражениями преданности, которые прерывались благодарным сообщением о получении новой одежды и сожалением о неимении давно просимого требника.

Добросовестная мисс Пейн-Эллис сделала ссылку на одну из рукописей, и Грант стал медленнее листать книгу в надежде найти что-нибудь еще. Для полицейского факты – хлеб насущный.

Он ничего не нашел, однако наткнулся на сценку, не оставившую его равнодушным.

Герцогиня вышла на крыльцо лондонского дома, освещенного нещедрым декабрьским солнцем, чтобы попрощаться с мужем, братом и сыном. Дирк и племянники вывели лошадей, и испуганные голуби и воробьи разлетелись кто куда. Сисели смотрела на мужа, как всегда неторопливого, спокойного, и думала, что по выражению его лица никак не скажешь, что он собирается на войну, а не в свой замок считать баранов. Возле него Солсбери, ее брат, вот уж у кого темперамент, настоящий Невилл, верит только в случай. Она грустно улыбнулась, беспокойно было у нее на сердце из-за сына, семнадцатилетнего Эдмунда. По-мальчишески худой, легко ранимый, ни разу не видевший настоящего сражения, он не мог устоять на месте от возбуждения. Она хотела сказать мужу: «Береги Эдмунда». И не сказала. Муж не поймет, и Эдмунд, не дай Бог, услышит. Эдуард всего на год старше, а уже командует на границе с Уэльсом, значит, и ему, Эдмунду, нечего сидеть дома.

Сисели оглянулась на младших детей, плотных белокурых Маргариту и Георга и темнوبرового, темноволосого, словно подмененного эльфами Ричарда, стоявшего, по обыкновению, чуть-чуть позади старших. Четырнадцатилетняя Маргарита, добродушная, с растрепанными волосами, плакала. Георг умирал от зависти и злился, что ему одиннадцать и он еще не дорос участвовать на равных с братьями в военных походах. Внешнее спокойствие маленького Ричарда могло обмануть кого угодно, но только не мать, она знала, что он дрожит всем телом, как барабан в руках музыканта.

Три воина под легкий стук подков и перезвон амуниции повели лошадей со двора на дорогу, где их уже ждали слуги, и дети все разом закричали, запрыгали, замахали руками.

Сисели не в первый раз провожала мужчин на битву, но сейчас она чувствовала непонятную тяжесть в груди. Она изо всех сил старалась сохранить спокойствие, но в голове, не переставая, звучал вопрос: «Кто? Кто? Кто?»

Она просто не могла представить, что не вернутся все трое. Что ей больше не суждено увидеть ни одного из них.

Меньше чем через год голова ее мужа, украшенная бумажной короной, будет выставлена для обозрения над воротами Йорка вместе с головами ее брата и ее сына.

Да, вероятно, здесь все выдуманно, но как выразителен портрет Ричарда, «темнобрового, темноволосого, словно подмененного эльфами».

Грант стал отыскивать в книге любое упоминание о Ричарде, но мисс Пейн-Эллис, по-видимому, не очень интересовалась им, последним ребенком в семье. Ей куда больше нравился великолепный Эдуард, первенец, который вместе с кузеном из рода Невиллов – Варвиком, сыном Солсбери, – выиграл битву у Таутона. Когда еще не зажила память о жестокости Ланкастеров, он доказал свою терпимость к поверженным врагам, которой не изменит с годами. В Таутоне были пощажены все, кто просил о пощаде. Эдуарда короновали в Вестминстерском аббатстве. Два маленьких мальчика, вернувшиеся из Утрехта, стали герцогом Кларенсом и герцогом Глостером. С великими почестями похоронил Эдуард своего отца и Эдмунда в Фотерингэе, и именно Ричард сопровождал печальную процессию из Йоркшира в Нортгемптоншир в течение пяти солнечных июльских дней. Почти шесть лет прошло с того памятного дня, когда он стоял с матерью, Маргарет и Георгом на ступенях лондонского замка, провожая в путь отца и Эдмунда.

Мисс Пейн-Эллис вспомнила о Ричарде нескоро – через несколько лет после коронавания Эдуарда. Вместе со своими кузенами Невиллами он теперь жил и учился в Миддлхеме в Йоркшире.

Когда Ричард, оставив позади слепящее солнце и пронизывающий ветер Венслидейла, въехал под сень замка, все здесь показалось ему чужим. Возбужденно переговаривалась у ворот стража, умолкнувшая при его появлении. Во дворе тоже необычно тихо. Скоро ужин, и все обитатели Миддлхема, должно быть, соберутся тут. Вот и он приехал с соколиной охоты. Странная тишина. Еще более странное безлюдье. Ричард завел лошадь в конюшню, но и там никого не оказалось. Он расседлал ее и только тут обратил внимание на загнанного гнедого жеребца в соседнем стойле, который не принадлежал Миддлхему и от усталости не мог даже есть. Ричард вытер мокрую спину своей лошади, укрыл ее попоной, принес сена и свежей воды, не переставая удивляться странному жеребцу и жутковатой тишине. Возле двери в большой зал он остановился, услышав голоса и не зная, стоит ли ему туда идти, не почистившись и не переодевшись. Пока он так раздумывал, наверху кто-то появился.

Ричард поднял голову и увидел кузину Анну, свесившую вниз две толстые, как канаты, белокурые косы.

– Ричард, – спросила она шепотом, – ты уже слышал?

– Что слышал?

Она подошла к нему, взяла его за руку и потащила за собой в классную комнату, устроенную под самой крышей замка.

– Что, что случилось? – не желая идти с ней, опять и опять спрашивал Ричард. – Ну что? Почему ты не говоришь?

Она все-таки привела его в классную комнату и закрыла дверь.

– Эдуард!

– Эдуард? Он заболел?

– Нет, новый скандал!

– Фу-ты! – мгновенно успокаиваясь, выдохнул Ричард. Эдуард никак не мог без скандалов. – Ну, что там еще? Очередная любовница?

– Хуже! Хуже не придумаешь! Он женился.

– Женился? – переспросил Ричард почти спокойно, так это было неправдоподобно. – Не может быть.

– Может. Час назад нам сообщили из Лондона.

– Он не мог жениться, – продолжал настаивать Ричард. – Для короля женитьба дело долгое. Переговоры, соглашения. Не обходится даже без парламента. Почему ты думаешь, что он женился?

– Я не думаю, а знаю, – ответила Анна, раздраженная его непонятливостью. – Они все там с ума сходят в большом зале.

– Анна! Ты подслушивала?!

– Ах, только без правоучений, пожалуйста. Мне не надо было очень напрягаться, на том берегу и то, наверное, слышно. Он женился на леди Грей.

– На какой леди Грей? Из Гроуби?

– Да.

– У нее же двое детей, и она совсем старая.

– Всего на пять лет старше. И она очень красивая. Все так говорят.

– Когда это произошло?

– Уже пять месяцев. Они обвенчались тайно в Нортгемптоншире.

– Он ведь собирался жениться на сестре короля Франции.

– Вот. – В голосе Анны Ричарду послышалась сварливая нота. – Мой отец тоже так говорит.

– Да... Трудно ему будет. После всех переговоров...

– Гонец из Лондона сказал, что он в истерике. Чувствует себя дураком. У нее куча родственников, и он их всех ненавидит.

– Он, верно, рехнулся. – Ричард обожал Эдуарда и никогда не сомневался в его правоте. Но эта непоправимая, непростительная глупость говорила о том, что его брат лишился разума. – А как же мама? – Он вспомнил, как стойко выслушала его мать вести о смерти отца и Эдмунда и о близости войска Ланкастеров. Она не плакала, не жалела себя, спокойно отправила их с Георгом в Утрехт, как будто дело шло всего-навсего о поездке в школу. Она могла больше никогда их не увидеть, но заставила себя спокойно, с разумной практичностью заняться сборами. Как она перенесет еще один удар? – Какая глупость! Это же конец.

– Бедная тетя Сисели, – с нежностью произнесла Анна. – Так чудовищно поступить со всеми! Ужасно!

Однако для Ричарда Эдуард все еще оставался непогрешимым. Если Эдуард ошибся, сделал что-то не так, значит, заболел или его околдовали. Ричард был верен брату душой и телом.

Прошло много лет, но верность Ричарда осталась неизменной.

Мисс Пейн-Эллис писала о горе Сисели, о ее попытках примирить пристыженного, но счастливого Эдуарда со взбешенным Варвиком, ее племянником. Много слов посвятила она добродетельной прелестнице с золотыми волосами, преуспевшей в том, в чем потерпели неудачу более услужливые красавицы, ее воцарению в Редингэбби – к трону ее вел недовольный Варвик, не преминувший оценить многочисленность родни новобрачной, пришедшей посмотреть, как их родственница Елизавета усаживается на королевский трон.

Еще раз Ричард появился в Линне без гроша в кармане, а тут как раз откуда ни возьмись голландское судно, на котором они с Эдуардом и Гастингсом, другом Эдуарда, а также несколькими слугами удрали из города, оплатив проезд плащом Эдуарда на меховой подкладке.

Варвик в конце концов решил, что не в силах выносить Вудвиллов. Он помог Эдуарду взойти на трон Англии и теперь решил помочь ему сойти с него. Его поддержали все Невиллы и, что почти невероятно, брат короля Георг. Наверняка кто-то подсказал ему, что выгоднее жениться на Изабелле,

дочери Варвика, и стать наследником половины всех земель Монтегью, Невиллов и Бичампов, чем оставаться преданным брату. Через одиннадцать дней Варвик стал хозяином изумленной Англии, а Эдуард и Ричард месили октябрьскую грязь между Алкмааром и Гаагой. С этого момента Ричард оттеснен на второй план. Он с Маргаритой оказывается в Бургундии, с той самой «растрепанной» Маргаритой, которая вместе с ним провожала отца, а теперь была герцогиней Бургундской. Добрую, славную Маргариту печалило и пугало (потом многие будут печалиться и пугаться) непонятное поведение Георга, и она – в который раз! – принялась собирать деньги для своих обожжаемых братьев.

Увлечение мисс Пейн-Эллис несравненным Эдуардом все же не позволило ей не обратить внимание на то, что корабли, нанятые на деньги Маргариты, снаряжал Ричард, которому в ту пору не было еще восемнадцати лет. Когда же Эдуард, сопровождаемый горсткой людей, уже не в первый раз был настигнут воинами Георга, не кто иной, как Ричард, отправился к нему и именем Маргариты уговорил пропустить их в Лондон.

Впрочем, подумал Грант, вряд ли это было так уж трудно. Георга можно было уговорить на что угодно. Таким он уродился.

6

Грант еще не успел как следует насладиться «Рейбийской Розой», как ему доставили пакет от Марты с достойнейшим из достойных развлечений, ибо именно так определял историю причисленный к лику святых сэр Томас Мор.

К книге была приложена записка. Знакомый Гранту размашистый почерк.

«К сожалению, сама зайти не могу, очень занята. Кажется, М. М. сдается, и я получу роль леди Блессингтон. В магазинах Томаса Мора нет. Я пошла в библиотеку. Не понимаю, почему никто не пользуется библиотеками. Наверное, думают, что там книги рваные и грязные. Эта чистая и почти новая. Ее дали ровно на четырнадцать дней. Звучит похоже: «Присуждается к...» Хочется верить, что Горбуну удалось притупить иголки. До скорого. Марта».

Книга действительно была «почти новой», но не новой. Гранту сразу не понравился шрифт, а солидные параграфы едва не испугали. Но он пересилил себя и отважно приступил к штурму первоисточника «по делу Ричарда III».

Опомнился он примерно через час, ощущая странную неловкость, и причиной тому были не новые факты, а неожиданное для Гранта изложение событий.

Он плохо спал по ночам, долго не засыпал, все время что-то обдумывая, но, бесконечно утомленный заботами, изредка все же забывался дремой. Не знающее покоя сердце то замирало, то бешено стучало в висках, то, мешая дышать, подкатывало к горлу, и тогда у него в голове возникали страшные картины самых гнусных его преступлений.

Все правильно. Но стоило Гранту прочесть, что Томас Мор «узнал сие от постельничего», как на него повеяло запахом сплетни. Самодовольный комментатор, сам того не ведая, заронил в сердце Гранта пока еще слабую симпатию к истерзанному ночными кошмарами человеку. Убийца будто бы возвысился над тем, кто решился писать о нем.

А такого быть не должно.

В самом деле удивительно. Ну какая неправда может быть в сочинении Томаса Мора, уже четыре столетия почитаемого за свою честность?

Ричард, чей образ воссоздал Томас Мор, был как раз таким, вспомнил Грант, каким он представлялся старшей сестре – человеком с истощенной нервной системой, одинаково способным на великое зло и великое страдание. «Он не знал покоя и тогда, когда чувствовал себя в безопасности. У него были бегающие глаза, одежда монарха прикрывала доспехи воина, из рук он не выпускал кинжал, а выражение лица и любое движение тела выдавали в нем человека, постоянно ждущего нападения».

Потом Грант отыскал драматическую, если не сказать историческую, сцену, которую помнил еще со школы и которую наверняка знают все. Речь о совете в Тауэре, когда Ричард впервые заявил о своих притязаниях на корону. Он вдруг спросил Гастингса, что грозит человеку, замыслившему убийство лорда-протектора. А потом, словно лишившись рассудка, заявляет, что жена Эдуарда и его любовница (Джейн Шор) заколдовали ему руку. В ярости он ударил кулаком по столу, а на самом деле подал сигнал своим вооруженным помощникам, которые ворвались в зал и арестовали лорда Гастингса, лорда Стэнли и Джона Мортон, епископа Илийского. Гастингса выволокли во двор и отрубили ему голову на первой попавшейся колоде, едва дав время исповедаться случайно оказавшемуся поблизости священнику.

Несомненно, это портрет человека, который сначала действует, побуждаемый яростью, страхом, местью, а потом глубоко раскаивается.

Однако Томас Мор не отрицает, что Ричард был способен и на продуманные поступки. Например, это он настоял, чтобы двадцать второго июня в соборе Святого Павла состоялась служба, в которой участвовал преподобный Шоу, брат лорда-мэра, и произнес следующее: «Случайный побег не имеет корня». Это объясняют так: Эдуард и Георг рождены герцогиней Йоркской от неизвестного отца, тогда как Ричард – единственный законный сын герцога и герцогини Йоркских.

Это показалось Гранту столь неправдоподобным, столь абсурдным, что он перечитывал это место еще и еще раз. Нет, все правильно. Желая извлечь выгоду, Ричард выставил на позор свою мать.

Так утверждает Томас Мор. А кому же еще верить, как не Томасу Морю? У кого еще учиться строить наиболее правдоподобную версию, как не у Томаса Мора, лорда-канцлера Англии?

Мать Ричарда, по словам того же Томаса Мора, очень горевала из-за клеветы, обрушенной на нее сыном. Что ж, понятно, подумал Грант.

А вот богослова, брата лорда-мэра, замучили угрызения совести, да так, что он «совсем зачах от переживаний, не прошло и недели». Наверное, его хватил удар, подумал Грант. И неудивительно. Какие же нервы нужны, чтобы вот так встать и солгать всему Лондону?

О принцах, заключенных в Тауэре, сэр Томас рассказывал то же, что и Амазонка, правда, в его рассказе было больше мелких подробностей. Ричард намекнул Роберту Брэкенбери, констеблю Тауэра, что было бы совсем неплохо, если бы принцы исчезли, но Брэкенбери не захотел в этом участвовать. Тогда Ричард, совершая поездку по Англии после коронации, остановился в Варвике и оттуда послал в Лондон Тиррела, дав ему разрешение требовать у Брэкенбери любые ключи. В ту же ночь два головореза, конюх Дайтон и тюремщик Форрест, задушили мальчиков...

Пришла Пигалица с обедом и забрала у Гранта книгу. Жуя картофельную запеканку, Грант размышлял о лице человека со скамьи подсудимых. Преданный младший брат – и вдруг такое чудовище.

Когда Пигалица вернулась за тарелкой, Грант спросил ее:

– А вы знаете, что Ричард III был довольно популярен в свое время? Естественно, до того как стал королем.

Однако ее взгляд не выразил ничего, кроме осуждения.

– Он всегда был змеей, если вас интересует мое мнение. Проныра. Вот он кто. Проныра. Ждал своего часа.

«Ждал своего часа», – повторял про себя Грант, пока шаги Пигалицы не стихли вдалеке. Но откуда было ему знать, что его брат умрет в сорок с небольшим? И как он мог предвидеть (даже если вспомнить об их необыкновенной близости в детстве), что дети Георга будут лишены всех прав, в том числе права престолонаследия? Какой смысл ждать своего часа, если нечего ждать? Благонравная красавица с золотыми волосами, несмотря на свой неизлечимый nepoтизм¹¹, оказалась замечательной королевой и родила Эдуарду много здоровых детей, в том числе двух мальчиков. Все они, включая Георга с его сыном и дочерью, стояли между Ричардом и тронem. Непостижимо. Человек, занятый управлением Северной Англией или кампанией (на редкость успешной) против шотландцев, к тому же еще и проныра!

Но почему же он так изменился, да еще за немыслимо короткий срок?

Грант взял «Рейбийскую Розу» посмотреть, что пишет мисс Пейн-Эллис о страшной метаморфозе, происшедшей с младшим сыном Сисели Невилл. А она слукавила и не довела рассказ до конца. Ей хотелось написать добрую книжку, ведь доведи она ее до логической развязки, получилась бы трагедия. Вот она и закончила ее мажорным аккордом, выпустив в

¹¹ Протекция родне, семейственность, проталкивание «своих людей».

последней главе на сцену Елизавету, старшую дочь Эдуарда, и умолчав о мученической смерти братьев Елизаветы, о поражении и гибели Ричарда.

Мисс Пейн-Эллис завершила «Рейбийскую Розу» описанием дворцового бала, на котором раскрасневшаяся, счастливая Елизавета в новом белом платье и жемчугах танцевала, пока не стерла до дыр свои туфельки, подобно принцессе из волшебной сказки. Были тут Ричард с Анной и маленьким болезненным сыном, приехавшие из Миддлхема. А вот Георга с Изабеллой не было. За несколько лет до этого Изабелла умерла в родах, забытая всеми и не оплаканная Георгом, который спустя некоторое время тоже умер, обретя долгую посмертную славу.

Вся жизнь Георга состояла из невероятных приключений. Родственники, верно, говорили: «Да, хуже не бывает. Даже Георг – и тот такого бы не выдумал». И все-таки каждый раз Георг умудрялся удивить всех. Его шутовские способности граничили с гениальностью.

Вероятно, зерно было посеяно во время его первого отступничества в компании с тестем, когда Варвик сделал Георга наследником безумного короля-марионетки Генриха VI, которого Варвик же водрузил на престол, чтобы позлить кузена Эдуарда. Однако надежде Варвика увидеть дочь королевы и претензиям Георга пришел конец в ту самую ночь, когда Ричард отправился в лагерь Ланкастеров и поговорил с Георгом. И все-таки то первое ощущение собственной значительности не было забыто природным сладостями. В последующие годы все так или иначе были заняты тем, что предотвращали его неожиданные выходки, не говоря уж о последней.

Он был абсолютно уверен, что Изабеллу отравила одна из служанок, а новорожденного сына – другая. Эдуард считал дело достаточно серьезным, чтобы передать его в Лондонский суд, о чем и написал Георгу, который уже успел осудить обеих при помощи местного суда и даже повесить. Эдуард был взбешен этим самоволием, однако Георг заявил, что произошла судебная ошибка. Он еще много раз повторял это во всеуслышание с поистине королевским пафосом.

Потом Георг захотел вновь жениться, и, естественно, на самой богатой невесте в Европе, юной Марии Бургундской, падчерице Маргариты. И Маргарита, добрая душа, уже мечтала, как хорошо будет жить рядом с Георгом, но Эдуард отдал предпочтение Максимилиану Австрийскому, отчего Георг несколько растерялся.

После провала бургундской интриги вся семья ожидала хотя бы временной передышки, ведь Георг владел все-таки половиной земель Невиллов и не нуждался в женитьбе ради денег или продолжения рода. Но Георгом завладела новая идея. Ему захотелось взять в жены Маргариту, сестру Иакова III Шотландского.

Его *folie de grandeur*¹² привела к тайным, на свой страх и риск, переговорам с иностранными дворами о подтверждении парламентского акта, объявлявшего Георга наследником Генриха VI. Это, конечно же, не могло сойти ему с рук, и он предстал перед парламентом, который на сей раз оказался куда менее сговорчивым.

Сие судилище было замечательно главным образом непристойным скандалом, разгоревшимся между Эдуардом и Георгом. Однако после принятия акта о предании Георга смерти с предварительным лишением его гражданских и имущественных прав все ощутили некоторую растерянность. Одно дело – лишить имущества, и это никого не смущало, ибо все жаждали покоя, совсем другое – казнить.

Шли дни. В конце концов палата общин напомнила о принятом акте, а на другой день было объявлено, что Георг, герцог Кларенс, умер в Тауэре.

В Лондоне шептались: «Утонул в бочке с мальвазией». Этот комментарий горожан по поводу смерти пьяницы вошел в историю и сделал имя ничтожного Георга бессмертным.

Итак, Георга не было в финальной сцене романа мисс Пейн-Эллис. Описывая бал в Вестминстере, главное внимание она уделяет, конечно же, Невилл, но, как ни странно, в качестве

¹² Здесь: чрезмерная самоуверенность (*фр.*).

бабушки многочисленных внуков. Пусть Георг умер опозоренным собственными аферами, но у него остался сын, юный Варвик, хороший крепкий мальчик, да и на личике десятилетней дочери Георга уже проступает незаурядная красота Невиллов. Милый Эдмунд погиб в семнадцать лет и не оставил потомства, но, словно бы для равновесия, вырос и возмужал хрупкий мальчик, которого она не мечтала поднять, и у него уже есть сын. Ричард перешагнул порог двадцатилетия, но все еще выглядит так, будто в любую минуту может сломаться пополам, хотя на самом деле он тверже верескового корня, и, дай Бог, чтобы его слабенький на вид сынишка вырос таким же жизнерадостным и сильным мужчиной. И наконец, высокий белокурый Эдуард, красоту которого портит некоторая грубоватость, зато семь его отпрысков взяли себе все лучшее, что есть в обоих родах.

Бабушка с гордостью смотрит в зал. Мать английских королей с уверенностью глядит в будущее. Корона в надежных руках Йорков.

Если бы кто-нибудь сказал ей тогда, что не пройдет и четырех лет, как не станет ни Йорков, ни Плантагенетов, она сочла бы этого человека безумцем или изменником.

Надо отдать должное мисс Пейн-Эллис – она показала, как много Вудвиллов собралось на балу в Вестминстере.

Сисели обвела взглядом зал и пожалела, что жену ее сына Елизавету Бог наделил слишком добрым сердцем и слишком большой родней. Вудвиллы устроились куда лучше, чем можно было предположить в свое время. Правда, Елизавета – прекрасная жена, но все остальное... Воспитанием мальчиков все-таки, наверное, займется ее старший брат. Пусть Райверс и нувориш, и хвастун, и честолюбец, но он достаточно образован и благовоспитан, чтобы руководить наследниками, пока они будут получать образование в Ладлоу. Что же до остальных – четырех братьев, семи сестер и двух сыновей от первого брака, – то их могло бы быть и меньше на ярмарке женихов и невест.

Минуя взглядом играющих в жмурки детей, Сисели нашла глазами взрослых, которые окружили стол с закусками. Анна Вудвилл вышла замуж за наследника графа Кента. Элеонора Вудвилл – за наследника графа Арундела. Кэтрин Вудвилл – за герцога Букингемского. Джеккетт Вудвилл – за лорда Стрэнджа. Мэри Вудвилл – за наследника лорда Герберта. Джон Вудвилл (постыдился бы!) женат на вдове Норфолка, которая вполне могла бы быть его бабушкой. Неплохо время от времени производить вливание свежей крови, такое случалось и раньше, однако нехорошо, если ее много и течет она из одного источника. Так можно дожить и до лихорадки. К тому же никто не знает, как сложатся отношения с другими странами. Сие немно и прискорбно.

Ничего. Пройдут годы, все уладится. Новая сила, теперь единая, рассеется, успокоится, перестанет быть опасной. Эдуард, несмотря на все свое внешнее благодушие, проницателен и расчетлив и еще долго твердой рукой будет вести свой корабль, как ведет его уже почти двадцать лет. Никто никогда не управлял Англией столь уверенно и в то же время изящно, как ее умный, ленивый и женолюбивый сын.

Пусть ничего не меняется.

Сисели уже хотела встать и присоединиться к спору своих родственников о засахаренных фруктах (никто не должен знать об ее мыслях), но тут из толпы вынырнула раскрасневшаяся и запыхавшаяся Елизавета и опустилась в кресло рядом.

– Нет, эти игры уже не для меня, – сказала она, с трудом переводя дыхание. – Так и платье можно порвать. Бабушка, вам нравится мое платье?

Я просила, просила папу, а он говорил, что сойдет еще и то, атласное. Помните, я была в нем, когда мы встречали тетю Маргариту? Ужасно иметь отца, который замечает, что на тебе надето. Он слишком хорошо разбирается в платьях. А вы знаете, дофин в меня влюбился! Папа сердится. А мне нравится. Я даже поставила десять свечек святой Екатерине. Все деньги истратила. Не хочу уезжать из Англии. Хочу жить тут. Бабушка, вы никому не расскажете?

Сисели со смехом покачала головой.

– Старая Анкарет, та, которая предсказывает судьбу, сказала, что я буду королевой Англии. Но я не знаю принца, который бы женился на мне и... Не знаю. – Она немного помолчала, а потом прошептала чуть слышно: – Она сказала «королевой Англии», но мне кажется, она была чуть-чуть навеселе. Я знаю, она любит вино.

Со стороны мисс Пейн-Эллис нечестно и даже безвкусно намекать таким образом на будущее Елизаветы, которая станет женой Генриха VII. Особенно если автор не желает копаться в предыстории. Сообщить читателям, что Елизавета выйдет замуж за первого короля из династии Тюдоров, – значит сообщить об убийстве ее братьев. Мисс Пейн-Эллис, решив закончить роман праздничной сценой, все же не удержалась, чтобы не добавить в рассказ каплю дегтя.

Ничего, решил Грант, она все равно хорошо поработала, по крайней мере если судить по тому, что он узнал в последнее время. Может быть, ему захочется еще раз вернуться к ее роману и перечитать те места, мимо которых сейчас прошло его внимание.

7

Грант уже почти засыпал, когда чей-то голос произнес у него в голове: «Томас Мор – это Генрих VIII». Сна как не бывало. Грант включил свет.

Голос, конечно же, не пытался внушить ему, что Томас Мор и Генрих VIII одно и то же лицо, но если систематизировать персонажи, взяв за основу правление того или иного монарха, то Томас Мор принадлежал ко времени Генриха VIII.

Грант лежал, глядя на светлое пятно от лампы на потолке, и пытался привести свои мысли в порядок. Если Томас Мор был лордом-канцлером при Генрихе VIII, тогда, значит, он жил при Генрихе VII и при Ричарде III. Что-то Гранту не нравилось, и он опять взялся за «Историю Ричарда III» Томаса Мора. В предисловии, которое он не удосужился прочитать раньше, коротко рассказывалось о жизни Томаса Мора, и теперь Грант открыл его, чтобы узнать, каким образом Мор мог одновременно быть историографом Ричарда III и лордом-канцлером Генриха VIII. Сколько лет было Мору, когда Ричард стал королем?

Пять.

Томасу Мору было пять лет, когда Ричард устроил безобразную сцену в Тауэре. И восемь – когда Ричард погиб при Босуорте.

Все в его истории недостоверно.

Если кто-то думает, что полицейский видит и понимает больше других, особенно когда речь идет о свидетельских показаниях, он ошибается.

В раздражении Грант бросил книгу на пол, забыв, что она взята в библиотеке и дана ему во временное пользование, и то из любезности.

Мор не знал Ричарда III. Он был еще маленьким, когда к власти в стране пришли Тюдоры, и эта книга, которая стала библией историков, изучавших время Ричарда III, которой пользовались и Холиншед, и Шекспир (пусть даже Мор верил в то, что писал), – эта книга оказалась не правдивее солдатских баек. Его кузина Лора называла такие истории «снегом на ботинках». Столь же «истинное, как в Евангелии», событие происходило не на глазах автора. Пусть Мор обладал критическим умом и замечательной честностью, это не делало его «Историю» надежным свидетельством. Множество других замечательных людей верили, что русские войска прошли по Англии. Грант слишком долго сталкивался со способностью человека верить в чей-то пересказ чьего-то рассказа о том, что кто-то третий видел сам, а может, слышал еще от кого-то.

Гранту стало противно.

При первой же возможности он должен прочитать современную запись событий короткого правления Ричарда III. А библиотека может хоть завтра забрать обратно своего Томаса Мора.

Несомненно, сэр Томас Мор был гением и мучеником, но какое Гранту до этого дело? Лично он, Алан Грант, знает, что гений – самый доверчивый человек из всех людей на земле и может принять за чистую монету такие вещи, что любой дурак покраснеет от стыда. Некий великий ученый, с которым Гранта свела судьба, был убежден, что старая тряпка – его двоюродная бабушка София, потому что так сказал безграмотный медиум с задворок Плимута. Другой великий авторитет в изучении эволюции человеческого мозга был начисто обворован ловким мошенником. Потому что «все знал сам» и не желал слушать полицейских. Кому, как не Алану, знать, что нет никого легчевернее и глупее гения. И он, Алан Грант, аннулирует, отменяет, зачеркивает Томаса Мора и с утра начинает все сначала.

Размышляя так, он заснул, а проснувшись, продолжил свои размышления.

Стоило Амазонке появиться в дверном проеме, как он крикнул, словно обвиняя ее в своем открытии:

– Вам известно, что ваш сэр Томас Мор ничего не знал о Ричарде III?

Амазонка удивилась, но, кажется, не столько его вопросу, сколько горячности, и готова была расплакаться от обиды.

– Он должен был знать! Он жил в то время! – попробовала она защитить Томаса Мора.

– Когда умер Ричард, ему исполнилось восемь лет. – Грант был безжалостен. – Он знал только то, что ему рассказали. Как вы или я. Не верьте ни одному слову Мора. Его «История» – набор сплетен.

– Вы хорошо себя чувствуете сегодня? – встревожилась Амазонка. – Какая у вас температура?

– Температура – не знаю, а вот давление...

– Ах, бедненький... – Амазонка явно восприняла его слова буквально. – А все шло так хорошо. Сестра Ингхэм очень расстроится. Она очень вами гордится.

Для Гранта явилось откровением, что Пигалица гордится им, но и это известие не доставило ему радости. Теперь он хотел, чтобы температура действительно повысилась, – надо осадить возгордившуюся Пигалицу.

Однако визит Марты отвлек его от эксперимента, который должен был доказать, что разум сильнее материи. К тому же если Пигалица гордилась его быстрым физическим выздоровлением, то Марта считала себя причастной к его выздоровлению душевному. Она была довольна, что ее с Джеймсом поход в магазин оказался столь эффективным.

– Ты уже что-нибудь придумал насчет Перкина Варбека?

– Нет. К черту Варбека. Лучше скажи, зачем ты принесла мне портрет Ричарда III? Ведь за ним тайн не числится, не так ли?

– Так. Кажется, мы взяли его как иллюстрацию к истории Варбека. Нет. Подожди. Вспомнила. Джеймс вот так повертел его и сказал: «Самый знаменитый убийца всех времен с лицом святого».

– Святого! – вскричал Грант и осекся. – В высшей степени честное!

– Что?

– Да нет, ничего. Просто вспомнил свое первое впечатление. Тебе тоже кажется, что это лицо святого?

Марта взглянула на фотографию, прислоненную к стопке книг.

– Свет плохо падает, и я ничего не вижу, – сказала она и взяла фотографию в руки.

Только тут Грант вспомнил, что для Марты так же, как для сержанта Уильямса, изучение лиц – занятие профессиональное. Изгиб бровей, линия рта говорили Марте о характере человека не меньше, чем сержанту. Более того, она не могла сыграть роль, не придумав себе сначала лица.

– Сестра Ингхэм считает, что он очень мрачный. Сестра Даррелл видит в нем злодея. Хирург уверен, что у него был полиомиелит. Сержант Уильямс сказал, что он прирожденный судья. Старшей сестре он кажется мучеником.

Марта довольно долго молчала.

– Знаешь, странно. На первый взгляд он показался мне злобным и подозрительным. Вздорным. А потом первое впечатление стерлось. Он совершенно спокоен. Да-да, у него умиротворенное лицо. Вероятно, Джеймс именно это имел в виду, говоря, что у него лицо святого.

– Нет, не думаю. По-видимому, он говорил о совестливости.

– Может быть. Но это настоящее лицо! Не соединение органов слуха, дыхания, поглощения пищи. Замечательное лицо. Если его немножко изменить, будет Лоренцо Великолепный.

– А может, это и есть Лоренцо, просто вы спутали портреты?

– Ну нет. Почему тебе пришло в голову?

– Потому что лицо не соответствует характеру исторической личности! А? Взяли и перепутали портреты?

– Такое, конечно, возможно, но это портрет Ричарда. Оригинал, как сказал Джеймс, находится в Виндзорском замке и включен в опись, сделанную еще при Генрихе VIII. Так что ему лет четыреста, не меньше. В Хэтфилде и Олбери есть копии.

– Значит, все-таки Ричард, – нехотя смирился Грант. – У меня нет ничего, за что можно было бы уцепиться. Ты никого не знаешь в Британском музее?

– В Британском музее? – переспросила Марта, не отрывая глаз от фотографии. – Нет, кажется. Не помню. Я и была-то там всего один раз, смотрела египетские украшения, когда играла Клеопатру с Джеффри... Ты видел Джеффри в роли Антония? Благородного Антония? Почему-то я боюсь туда ходить. Сосуд времен. Все равно что смотреть на звезды. Чувствуешь себя маленькой и ничтожной. А что ты хотел в БМ?

– Мне нужна какая-нибудь информация о хрониках, которые писались во времена Ричарда. Так сказать, отчеты современников.

– Значит, сэр Томас тебя не устроил?

– Да он просто-напросто старый сплетник, – не без злости ответил Грант. Он уже почти ненавидел всеми обожаемого Мора.

– Ладно-ладно. А тот человек в библиотеке, который дал мне книгу, говорил о нем с благоговением. Житие Ричарда III в изложении святого Томаса Мора, и все такое.

– Тоже мне житие, – буркнул Грант. – Он жил при Тюдорах и писал о Плантагенетах то, что ему рассказывали, потому что самому ему было тогда пять лет.

– Пять лет?

– Пять.

– Да-а-а. Ничего себе первоисточник!

– Вот так. Точность как у букмекера. К тому же он по другую сторону. Слуга Тюдоров – это слуга Тюдоров, когда речь идет о Ричарде III.

– Да-да. Понимаю. Ну а что ты хочешь узнать о Ричарде, ведь за ним не числилось никакой тайны?

– Например, что за человек он был. Для меня он – загадка посложнее любой, с какой мне приходилось когда-либо сталкиваться. Что заставило его перемениться едва ли не за одну ночь? До смерти брата не было человека благороднее и преданнее.

– Может быть, чем ближе к трону, тем больше искушений?

– Может. Но он-то до совершеннолетия наследника должен быть регентом. Протектором Англии. Если знать его жизнь, то и этого не так уж мало. Подумай сама, ему не за что было жаловаться на судьбу.

– Представь себе, Ричард не любил мальчишку и хотел «проучить» его. Странно, но мы всегда думаем о жертвах почти как об ангелах. Не люди, а подобия Иосифа. Допустим, наследник был несносен и заслужил, чтоб его посадили в темницу. Или сам попросил, чтоб его тихонько низложили.

– Их было двое, – напомнил Грант.

– Ну конечно. Все это слова. Ужасно, ужасно. Бедные пушистые овечки. Ой!

– Что «ой»?

– Не знаю. Наверно, пушистые овечки...

– Что?

– Нет, не скажу. Вдруг не выйдет? Я побежала.

– Ты уже совсем очаровала Маделин Марч? Она согласилась написать пьесу?

– Думаю, идея ей нравится, но пока контракт не подписан... До свидания, дорогой. Скоро увидимся.

Марта направилась к двери и, увидев зарумянившуюся Амазонку, резко ускорила шаг, а Грант и думать забыл о пушистых овечках вплоть до следующего вечера, когда обнаружил у себя в палате существо в роговых очках, которые как будто усиливали его сходство с пуши-

стой овечкой. Грант находился в состоянии полудремы и ощущал полную гармонию в своих отношениях с окружающим миром, чего уже давно не было. История, как совершенно справедливо предвидела старшая сестра, великолепным образом способствовала обретению перспективы. Вдруг в дверь постучали, но так неуверенно, что Грант решил: «Померещилось». В больничные двери всегда надо стучать уверенной рукой. Однако на всякий случай он сказал: «Войдите» – и увидел такую не вызывающую сомнений «пушистую овечку», что долго не мог прийти в себя от смеха.

Молодой человек смущенно улыбнулся, поправил очки, кашлянул несколько раз и сказал:

– Вы мистер Грант? Я – Каррадин. Брент Каррадин. Надеюсь, вы уже не спали?

– Нет-нет, мистер Каррадин. Рад вас видеть.

– Марта... мисс Халлард... она... она прислала меня к вам. Сказала, что я могу быть вам полезен.

– А она не сказала, в чем именно? Да вы садитесь. Вон там у двери стул. Несите его сюда.

Брент Каррадин был высоким юношей с белокурыми волнистыми волосами, венчающими высокий лоб, одетым в слишком широкое твидовое пальто, спадавшее небрежными складками. Сразу видно, американец. Он принес стул, сел, и твидовое пальто тотчас обрело сходство с благородным королевским одеянием. Юноша смотрел на Гранта добрыми карими глазами, чудесное сияние которых не могли скрыть очки в толстой роговой оправе.

– Марта... мисс Халлард... она сказала, что вам надо помочь в каких-то розысках.

– Вы сыщик?

– Нет, здесь, в Лондоне, я занимаюсь научной работой. Точнее, историей. Вот она и сказала о вашем интересе... Мистер Грант, мне будет очень приятно, если я смогу быть вам полезен.

– Очень мило с вашей стороны. Очень мило. А над чем вы работаете? Какая у вас тема?

– Крестьянское восстание.

– О, да это Ричард II!

– Да.

– Вас интересуют отношения классов?

Молодой человек странно хмыкнул:

– Нет. Мне надо было быть в Англии.

– А что, нельзя быть в Англии и не заниматься научной работой?

– Можно, но так проще. Мне нужно алиби. Папочка хочет, чтоб я продолжил его дело: мебель, продажа, заказы по почте, по каталогам. Только не поймите меня неправильно, мистер Грант, наша мебель очень хорошая. Это вечная мебель. Но она меня совершенно не интересует.

– Следовательно, если считать Северный полюс, то Британский музей второе по надежности убежище?

– Здесь теплее. К тому же мне правда интересно заниматься историей. Я и раньше изучал ее. Но, откровенно говоря, мистер Грант, я приехал сюда из-за Атланты Шерголд. Помните немую блондинку с Мартой... Я хотел сказать, в пьесе с мисс Халлард. Она играет немую, а на самом деле она вовсе не немая.

– Ну конечно, нет. Очень способная актриса.

– Вы ее видели?

– Думаю, вряд ли найдется в Лондоне человек, который ее не видел.

– Я тоже так думаю. Этому спектаклю конца нет. Мы-то рассчитывали на пару недель, поэтому она уехала. В начале месяца она должна была вернуться, а когда все так затянулось, мне пришлось самому ехать в Англию.

– А Атланта – это не алиби?

– Для моего папочки? Что вы! Моим родственникам Атланта не нравится и больше всех папочке. Если он никак не может обойтись не назвать ее, говорит: «Эта твоя знакомая актриса». Понимаете, мой папочка – Каррадин Третий, а отец Атланты в лучшем случае Шерголд Первый. У него маленькая бакалея на Мейн-стрит, но он очень хороший человек, если уж на то пошло. Атланта тоже не очень-то многого добилась у нас в Штатах. В театре, конечно. Это ее первый большой успех, и она ни за что не разорвет контракт. По правде говоря, я думаю, что теперь ее вообще трудно будет увезти домой, ведь американцы не сумели оценить ее талант.

– А вы решили заняться наукой?

– Мне пришлось придумать нечто такое, что возможно только в Лондоне. Кстати, у меня и в колледже была эта тема, поэтому Британский музей не фикция. Ну вот, убиваю двух зайцев: занимаюсь тем, что мне интересно, и берегу покой папы.

– Понятно. Ваше алиби мне нравится. А почему все-таки крестьянское восстание?

– Время интересное. И папочке это должно было понравиться.

– Он интересуется реформами?

– Нет. Он ненавидит королей.

– Каррадин Третий?

– Смешно, правда? Я бы не удивился, если бы узнал, что у него есть корона и он иногда достает ее, идет в «Гранд-отель» и примеривает там в туалете. Я вас не утомил, мистер Грант, а то сию тут, болтаю, и все о себе? Я же пришел не за этим. Я пришел...

– За чем бы вы ни пришли, вас прислало ко мне само небо, так что, если вы не спешите...

– Я никогда не спешу, – заверил молодой человек и стал так усердно вытягивать ноги, что в конце концов добрался до тумбочки, она покачнулась, и портрет Ричарда III оказался на полу. – Ой, извините. Я не хотел. Никак не привыкну к тому, что у меня такие длинные ноги. А вы считаете, что человек к двадцати двум годам мог бы уже привыкнуть к себе? – Brent поднял фотографию, рукавом стер с нее пыль и с интересом стал вглядываться в запечатленное на ней лицо. – Richardus III. Ang. Rex¹³, – прочитал он вслух.

– Вы первый человек, который заметил, что здесь написано, – сказал Грант.

– Ну, для этого надо всего лишь заглянуть на обратную сторону. А вот я впервые встречаю человека, который любит портретом этого короля.

– Что, некрасивый?

– Не знаю, – помедлив, ответил Brent. – У него хорошее лицо. Похож на одного профессора из нашего колледжа. Он ел только висмут и пил молоко, поэтому был немного желчный, но добрее его я никого не видел. Так вас заинтересовал Ричард III?

– Он самый. И от вас мне не нужно ничего сверхъестественного. Всего лишь выяснить, кто из историков жил в его время.

– Проще простого, тем более что совсем близко к моему времени. Которым я занимаюсь. Так вот о Ричарде II писал сэр Кутберт Олифант, может, у него есть и о Ричарде III? Вы читали Олифанта?

Грант ответил, что не читал ничего, кроме школьных учебников и Томаса Мора.

– Мора? Лорда-канцлера Генриха VIII?

– Да.

– Вам не показалось, что он немного пристрастен?

– Да он просто партийный идеолог, – вырвалось у Гранта, только теперь осознавшего, что же ему, в сущности, не понравилось, – это не записки государственного деятеля, а партийная листовка. Даже не листовка, а отчет, составленный на основании сплетен, собранных в людской. Вам что-нибудь известно о Ричарде III?

¹³ Ричард III. Король Англии (лат.).

– Да ничего, кроме того, что он убил племянников и не сумел поменять государство на коня. И еще у него были два помощника, известные как Мышь и Кот.

– Что-что?

– Да вы помните этот стишок: «Есть король-горбун, есть пес-хвальбун, есть мышь и кот, чтобы жрать английский торт».

– Да-да, совсем выпало из памяти. А вам известно, что это значит?

– Понятия не имею. Я плохо знаю то время. А почему вы заинтересовались именно Ричардом III?

– Марта решила, что мне следует заняться каким-нибудь теоретическим исследованием, пока не под силу практическое. А так как я давно увлекаюсь разгадыванием характеров по лицам, она принесла мне фотографии людей, с которыми связаны неразгаданные тайны. Ричард попал в их число более или менее случайно. Именно его тайна показалась интереснее остальных.

– Почему же?

– Он совершил преступление, ужаснее которого не может быть, и в то же время у него лицо великого судьи, великого государственного деятеля. Более того, судя по некоторым источникам, он на удивление добропорядочен. Что ж, он и в самом деле был умен и весьма успешно управлял Северной Англией, был хорошим офицером штаба и храбрым воином. Его личная жизнь ничем не скомпрометирована, хотя его брат был самым любвеобильным монархом Англии, исключая, наверно, одного Карла II.

– Эдуард IV. Знаю. Шесть футов мужской красоты. А может, Ричард страдал из-за своего безобразия и потому захотел уничтожить потомство брата?

Гранту это не приходило в голову.

– Вы думаете, Ричарда терзала постоянно подавляемая ненависть к брату?

– Подавляемая?

– Даже его недоброжелатели признают, что он был предан Эдуарду и они всегда были вместе с тех пор, как Ричарду исполнилось то ли двенадцать, то ли тринадцать лет. Вот их брат не любил никого. Его звали Георгом.

– Георгом?

– Герцог Кларенс.

– А! Кларенс-бочка-с-вином.

– Тот самый. Так что их было двое – Эдуард и Ричард, и между ними десять лет разницы. Как раз то, что нужно для сотворения кумира.

– Родись я горбуном, – промурлыкал юный Каррадин, – уверен: возненавидел бы брата, опередившего меня, забравшего себе моих женщин и мое место под солнцем.

– Возможно, – после некоторого раздумья согласился Грант. – Пока из всех версий ваша лучшая.

– Ведь он мог этого и не показывать. Это могло быть у него в подсознании. Как только представилась возможность стать королем, все вылезло наружу. Он сказал себе... Его подсознание ему подсказало: «Бери! Это твой шанс! Многие годы ты делал все, что мог, и всегда оставался во втором ряду, даже спасибо и то не всегда слышал. Теперь ты можешь получить свое, свести все счеты».

Грант обратил внимание, что эта версия совпала с версией мисс Пейн-Эллис. Наверное, таким видела его писательница, когда придумывала сцену прощания и Ричарда на крыльце позади здоровых белокурых Маргариты и Георга, «как обычно», во втором ряду.

– Очень интересно, – сказал Каррадин, характерным жестом длинного указательного пальца поправляя дужку очков, – что Ричард, как вы говорите, не делал ничего дурного до совершения своего главного преступления. Так он человечнее, а то в шекспировской версии он мне больше напоминает карикатуру, нежели живого человека. Мистер Грант, я с удоволь-

ствием сделаю все от меня зависящее. Мне тоже неплохо на некоторое время отключиться от крестьян.

– Кот и мышь вместо Джона Болла и Уота Тайлера¹⁴?

– Ага.

– Что же, очень хорошо. Несите все, что сможете откопать. Но прежде всего я хочу получить запись событий, датированную тем временем. Событий, сотрясавших страну. Я хочу прочитать запись, сделанную очевидцем, но не таким, которому в интересующее нас время было пять лет и который служил другой династии.

– Я найду такого историка. Фабиан? Или он жил при Генрихе VII? Ладно, я найду. А пока вы поглядите Олифанта. Насколько я знаю, он самый большой авторитет по тому периоду. – Грант с удовольствием согласился почитать сэра Кутберта. – Тогда я закину его вам завтра по дороге... Оставлю внизу? Ладно?

Грант был в восторге.

И тут юный Каррадин опять отчего-то смутился, и Грант мгновенно припомнил пушистую овечку, совершенно вылетевшую у него из головы на время, пока они обсуждали Ричарда III. Вновь возник тихий, стеснительный Брент Каррадин, который, попрощавшись, выбежал из палаты, сопровождаемый твидовым вихрем.

Грант подумал, что, даже если не знать о миллионных доходах Каррадинов, Атланте Шерголд все равно повезло.

¹⁴ Уот Тайлер (? —1381) – вождь крестьянского восстания в Англии; Джон Болл (? —1381) – английский народный проповедник, сподвижник Уота Тайлера.

8

– Ну? – спросила Марта. – Как тебе понравилась моя пушистая овечка?

– Очень понравилась. Где ты его отыскала?

– Мне не пришлось его отыскивать. Он всегда на месте, практически живет в театре. «В тазу к морю» видел раз пятьсот. Если он не в уборной Атланты, то где-то рядом. Скорей бы они поженились, может, тогда мы будем видеть его чуточку реже. А ведь они даже не живут вместе. Идиллия. – После недолгого молчания она заговорила обыкновенным, не театральным голосом: – Когда они рядом, они прелестны и больше похожи на близнецов, чем на влюбленных. К тому же они так бесконечно доверяют друг другу, так неотделимы друг от друга. Несомненно, они составляют две законные половинки целого. Насколько я знаю, они даже ни разу не поссорились. Сплошная идиллия. Это Брент принес тебе книгу? – спросила Марта, тыкая пальцем на солидный том Олифанта.

– Да, оставил сегодня внизу.

– Выглядит – не дай Бог.

– Неаппетитно, хочешь сказать? Зато переваривается прекрасно. История для ученых мужей. Факты, факты и только факты.

– Фу!

– По крайней мере теперь я знаю, откуда наш сэр Томас почерпнул свои сведения о Ричарде.

– Откуда же?

– От некоего Джона Мортон.

– Никогда не слышала.

– Я тоже. Невежественные мы люди.

– А кто он?

– Архиепископ Кентерберийский при Генрихе VII и ярый враг Ричарда.

При этом известии Марта пожалела, что за свою жизнь не выучилась свистеть.

– Вот тебе и первоисточник! – воскликнула она.

– Именно так. Все рассказы о Ричарде восходят к нему. И история Холиншеда, и хроники Шекспира.

– Значит, нам вдалбливают версию человека, который ненавидел Ричарда. Интересно. А почему сэр Томас пересказывает Мортон, а не кого-нибудь другого?

– Не имеет значения, в любом случае это должна была быть версия Тюдоров. Ну а Мортон, наверно, потому, что в детстве жил в его доме. К тому же Мортон был в гуще событий, и вполне естественно было воспользоваться его рассказом, как говорится, из первых рук.

– А ваш толстый скучный источник признает, что это версия пристрастного человека? – спросила Марта, указывая пальцем на принесенный утром фолиант.

– Олифант? И да и нет. Честно говоря, мне кажется, у него самого каша в голове. На одной и той же странице он пишет, что Ричард был прекрасным правителем и военачальником с безупречной репутацией, уравновешенным порядочным человеком, популярным среди простого народа в отличие от выскочек Вудвиллов, родственников королевы, и существом «совершенно беспринципным, готовым пролить море крови, лишь бы заполучить корону». То у него «есть причины предполагать, что Ричард был абсолютно лишен совести», то он пересказывает рассуждение Мора о муках совести, не дававших Ричарду спать по ночам. И все остальное в таком же духе.

– Вашему скучному Олифанту больше нравятся алые розы?

– Не думаю. Вряд ли он поддерживает Ланкастеров, хотя, если подумать, к Генриху VII он относится очень уж терпимо. Не помню, чтоб он где-нибудь обмолвился, что Генрих не имел права на престол.

– Кто же тогда помог ему? Я имею в виду Генриха.

– Остатки Ланкастеров и Вудвиллы, а за их спинами была вся страна, возмущенная убийством детей. Очевидно, в такой ситуации сгодился бы любой претендент, а у этого еще в жилах текла кровь Ланкастеров. Сам Генрих был достаточно благоразумен, чтобы в своих претензиях на престол сначала заявить о победе над Ричардом, а потом уже о крови Ланкастеров. *De jure belli et de jure Lancastri*¹⁵. Его мать – дочь незаконного сына третьего сына Эдуарда III.

– О Генрихе VII я знаю только, что он был фантастически богат и фантастически скуп. Ты читал прелестный рассказ Киплинга о том, как Генрих посвятил в рыцари ремесленника не за понравившуюся ему работу, а за сэкономленные на орнаменте деньги?

– Там еще что-то о ржавом мече... Это ты здорово! Не много женщин в наше время читает Киплинга...

– О, у меня масса разных достоинств. А разгадка характера Ричарда все так же далека?

– Все так же. Я совершенно запутался в противоречиях, как сэр Кутберт Олифант, упокой Господи его душу. Единственная разница между нами в том, что я знаю о противоречиях, а вот знал ли он?

– Ты часто видишься с моей пушистой овечкой?

– Видел его три дня назад и думаю, что он уже пожалел о нашем знакомстве.

– О нет. Уверена, что нет. Верность – его кредо и его знамя.

– Как у Ричарда.

– У Ричарда?

– Ну да. Его девиз: «Верность связывает меня».

Тут послышался слабый стук в дверь, и в палате появился Брент Каррадин, как и в первый раз, сначала ударившись головой о дверную притолоку.

– Ой! Кажется, я нехстати. Мисс Халлард, я не знал. Статуя Свободы, которая встретила меня в коридоре, сказала, что мистер Грант один.

Кто такая статуя Свободы, Грант догадался без труда. Марта же заявила, что собиралась уходить и вообще Брент сейчас более желанный гость. Она оставляет их с миром и желает отыскать душу убийцы.

Учтиво проводив Марту до двери, Брент уселся на стоявший рядом с кроватью Гранта стул с точно таким выражением на лице, с каким англичане возвращаются к своему портвейну после ухода из столовой женщин. Грант удивился. Неужели даже этот приехавший сюда из-за женщины американец испытывает подсознательное облегчение, оставаясь в мужской компании? В ответ на вопрос, как ему понравился Олифант, Грант сказал, что сэр Кутберт пишет вполне доходчиво.

– А я нашел, конечно, случайно, кто такие Кот и Мышь. Это были уважаемые рыцари Уильям Кэтсби и Ричард Рэтклифф¹⁶.

Кэтсби был спикером палаты общин, а Рэтклифф возглавлял мирные переговоры с Шотландией. Странно, как глупая шутка превращается в политический стишок, да еще вполне злобную клевету. Горбун – это, конечно, Ричард. А белый боров?

– Вы часто заходите в наши английские пабы?

– Конечно. Это то небольшое, в чем вы явно превосходите нас.

– Тогда во имя пива «У борова» вы прощаете нам нашу канализацию?

– Прощать – это слишком. Я просто ее не замечаю.

¹⁵ По праву войны и по праву Ланкастера (*лат.*).

¹⁶ Игра слов: в имени Кэтсби первый слог означает «кот», в имени Рэтклифф – «крыса, мышь».

– Великолепно. А теперь забудьте вашу теорию, будто Ричард ненавидел брата из-за его красоты. Согласно утверждению сэра Кутберта, горб – не более чем миф. Сухорукость тоже. Следовательно, у него не было явных физических недостатков. По крайней мере годных для вашей теории. Правда, левое плечо у него было чуть ниже правого. Но это все. Вы нашли историка, жившего в то время?

– Нет.

– Ни одного?

– Ни одного в том смысле, какой вы имеете в виду. Были писатели, современники Ричарда, но все они писали после его смерти. Во времена Тюдоров. Следовательно, они нам не годятся. Есть какая-то хроника на латыни, которую вели в монастыре, но я до нее еще не добрался. Тем не менее кое-что я узнал. Жизнеописание Ричарда III приписали сэру Томасу Мору потому, что нашли его среди оставшихся после его смерти бумаг. Это была незаконченная копия с сочинения, нам неизвестного, но ее стали печатать как его труд.

– Да ну? – изумился Грант. – Копия, сделанная рукой Мора?

– Да, его рукой, когда ему было лет тридцать шесть. В то время обычное дело. Книгопечатание еще не было развито.

– Так-так. Предположим, информация шла от Джона Мортон. Нет, это точно. Следовательно, предполагаем, что весь труд принадлежал Мортону.

– Правильно.

– И это вполне достоверно свидетельствует в пользу... скажем так, неточности. Мортон был честолюбив и вряд ли стеснялся пользоваться грязными сплетнями. Что вы знаете о Мортоне?

– Ничего.

– Был юристом, потом священником. Стал на сторону Ланкастеров и оставался с ними, пока не узнал, что Эдуард IV вернулся живой и здоровый. Переметнулся к Йоркам. Эдуард сделал его епископом Илийским, но сколько у него было приходов, знал, наверно, только викарий. Потом на трон сел Ричард, и Мортон стал поддерживать Вудвиллов, потом Генриха Тюдора и в конце концов заработал кардинальскую мантию...

– Стойте! – крикнул Брент. – Конечно, я знаю Мортон. Это тот самый Мортон, о котором говорят: «Вилка Мортон». «Нельзя тратить много денег, делитесь ими с королем. Вы тратите слишком много, значит, вы богаты и можете поделиться с королем».

– Точно. Это он, Мортон. Генриховы тиски. А я, кажется, понял, почему он возненавидел Ричарда задолго до истории с младенцами.

– Почему?

– Эдуард ограбил Людовика XI на приличную сумму, заключив с Францией позорный мир, и Ричард на него рассердился. Зато Мортон всячески поддерживал эту сделку и за это, несомненно, получил от Людовика пенсию в кругленькую сумму – две тысячи крон в год. Не думаю, чтобы Ричардовы комментарии по этому поводу он глотал с удовольствием, хотя и заедал их золотом.

– Да уж, наверно.

– Ну и, конечно, при Ричарде ему не на что было надеяться, а поэтому он поддержал Вудвиллов, даже если никакого убийства не было...

– Об этом убийстве... – начал было Брент и умолк.

– Ну?

– Об этом убийстве... Об убийстве двух принцев все как-то странно молчат.

– То есть? Кто молчит?

– За эти три дня я просмотрел много писем и других бумаг того времени, и нигде ни одного упоминания.

– Может быть, они боялись? Боялись за свою жизнь?

– Может. Но есть еще одно. Это уж совсем непонятно. Вам известно, что Генрих провел через парламент билль, осуждающий Ричарда? Так вот, он предъявляет Ричарду обвинение в жестокости и тирании и ни словом не упоминает об убийстве.

– Что? – Грант был поражен не на шутку.

– Да. Удивительно.

– А вы уверены?

– Абсолютно.

– Тауэр оказался в руках Генриха, как только он появился в Лондоне после Босуортской битвы. Если он не нашел там мальчиков, невероятно, чтобы он не оповестил об этом всех, кого можно. Еще бы, такой козырь! – Грант надолго задумался под веселое чириканье воробьев на подоконнике. – Ничего не понимаю, – сказал он в конце концов. – Не могу понять, почему он не сделал себе капитал на исчезновении принцев.

Брент подвигал ногами.

– Есть только одно объяснение, – сказал он. – Мальчики никуда не исчезали.

Они смотрели друг другу в глаза и молчали. Долго молчали. Первым заговорил Грант:

– Да нет, чепуха все это! Объяснение есть. Я даже думаю, что оно где-то рядом, просто мы его не видим.

– Например?

– Ну, не знаю. Я так быстро не могу.

– А я думал три дня и ничего не придумал. Ничего, кроме того, что мальчики были живы, когда Генрих явился в Тауэр и обвинил сторонников короля Ричарда – вдумайтесь, верных сторонников законного короля – в измене. Он засунул в билль все обвинения, которые только смог придумать, и все же там нет ничего, кроме жестокости и тирании. Нет ничего о принцах.

– Фантастика!

– Факт.

– Который означает, что никакого обвинения в убийстве тогда вообще не было?

– Похоже.

– Нет... Подождите. Тиррел же был повешен за убийство. Он сам признался в нем перед смертью. Подождите. – Грант принялся листать том Олифанта. – Где-то здесь есть пространственный отчет. И никаких тайн. Даже статуя Свободы знает.

– Кто?

– Сестра, которую вы встретили в коридоре. Убийство совершил Тиррел, его нашли виновным, и он во всем признался перед смертью.

– А Генрих уже был в Лондоне?

– Минутку. Вот. – Грант пробежал глазами нужный параграф. – Да... Это произошло в 1502 году. – И он повторил изменившимся голосом: – В 1502 году.

– Но... но это...

– Правильно. Через двадцать лет.

Брент вынул пачку сигарет и тут же сунул ее обратно.

– Курите, – разрешил Грант. – А я бы сейчас не отказался выпить чего-нибудь покрепче. В голове что-то... Как в детстве... Знаете, есть такая игра. Вам завязывают глаза, потом крутят вас в разные стороны, и вы должны потом ловить остальных.

– Да... – Каррадин достал сигарету, закурил. – Когда темно, и голова очень кружится. – И он уставился на воробьев.

– Сорок миллионов школьных учебников не могут ошибаться, – сказал наконец Грант.

– Не могут?

– Разве могут?

– Раньше я бы вам ответил, а теперь не знаю.

– А вы не поторопились с вашими выводами?

– Меня потрясло другое.

– Что же?

– Вы что-нибудь слышали о Бостонской резне?

– Конечно.

– Я еще учился в колледже, когда узнал, что Бостонская резня – это кучка людей, бросавшая камни в часовых, и четыре жертвы. А ведь я был воспитан на Бостонской резне, мистер Грант. У меня кровь закипала при одном упоминании о ней. При одной мысли о бедных горожанах, истерзанных огнем британских войск. Вы не представляете, какой это был для меня шок. Бостонская резня – всего лишь уличная драка, которая взволновала бы сегодняшних американцев не больше, чем репортаж об очередной стычке полиции с забастовщиками.

Грант молчал. Brent, загородившись рукой от яркого света лампы, старался угадать, о чем он думает. А Грант не отрываясь смотрел в потолок, словно увидел на нем что-то необыкновенное.

– Вот почему я так люблю копаться в старых книгах, – как бы поставил точку в своем монологе Brent и, откинувшись на спинку стула, вновь загляделся на воробьев.

Не говоря ни слова, Грант протянул руку, и Каррадин вложил в нее зажженную сигарету. Оба курили и молчали.

– Тоунипанди, – произнес Грант, испугав воробьев.

– Что?

Грант, казалось, не слышал его.

– Ведь я же сам видел такое, – сказал он, все еще не отрывая глаз от потолка. – Тоунипанди.

– Черт возьми, что за Тоунипанди? – не выдержал Brent. – Похоже на название лекарства. У вас болен ребенок? У него покраснели щечки? Он капризничает? Болят ножки? Дайте маленькому тоунипанди, и он сразу поправится. – Грант продолжал молчать. – Хорошо. Держите ваше тоунипанди при себе. Очень надо!

– Тоунипанди, – произнес Грант голосом не вполне проснувшегося человека, – это городишко на юге Уэльса.

– Я так и знал, что это что-то реальное.

– Если вы будете в Уэльсе, вам расскажут, как в 1910 году правительство дало приказ войскам расстрелять валлийских шахтеров, боровшихся за свои права. Может, вам даже скажут, что во всем виноват Уинстон Черчилль. Он был тогда министром внутренних дел. В Южном Уэльсе всегда будут помнить о Тоунипанди!

– А что было на самом деле? – спросил Brent с серьезным видом.

– На самом деле было вот что. Группа хулиганов принялась громить магазины и вообще все, что попадало под руку. Начальник полиции попросил прислать войска для защиты людей, а если начальник полиции считает ситуацию опасной и просит военной помощи, то у министра, по сути, нет выбора. Однако Черчилль пришел в ужас при мысли о солдатах, о стрельбе по безоружным людям и вместо войск послал опытных полицейских, все вооружение которых составляли непромокаемые плащи. Войска держали в резерве, а на усмирение восставших были брошены безоружные полицейские из Лондона. Результат – несколько разбитых носов. Министр был крепко обруган в палате общин за «беспрецедентное кровопролитие». Вот вам и Тоунипанди. И стрельба, о которой всегда будут помнить в Уэльсе.

– Похоже... – задумчиво произнес Каррадин. – Похоже на Бостон. Кто-то раздувает инцидент до невероятных размеров ради своей выгоды.

– Дело не в похожести, а в молчании очевидцев. Проходит время, и уже ничего нельзя изменить. С легендой не поспоришь.

– Очень интересно. Очень. История в процессе творения.

– Хм... История...

– Знаете, я еще поищу. В конце концов, история, помимо признанных источников, имеет множество других: газетные объявления об обмене или купле-продаже.

Грант опять долго и молча смотрел в потолок. Комната вновь заполнилась воробьиным гомоном. Потом он взглянул на Брента и, заметив странное выражение на его лице, спросил:

– Что вас забавляет?

– Я в первый раз почувствовал, что вы полицейский.

– Правильно почувствовали. Я и думаю, как полицейский, и всегда, столкнувшись с убийством, задаю себе естественный вопрос: «Кому это было выгодно?» До меня только сейчас дошло, что легенда о Ричарде, который избавился от принцев, чтобы сохранить за собой трон, – полная чепуха, ведь на его пути оставались еще пять сестер этих принцев. Не говоря уж о сыне и дочери Георга. Эти, правда, были не очень опасны из-за отца, но и тут можно было что-нибудь придумать. Если притязания Ричарда не были законными, тогда, чтобы чувствовать себя в безопасности, ему пришлось бы убить еще множество людей.

– А они его пережили?

– Не знаю, но узнаю. Старшая сестра точно пережила принцев и, обвенчавшись с Генрихом VII, стала королевой Англии.

– Послушайте, мистер Грант, давайте начнем сначала. Забудем все, что знаем. Никаких исторических книг, никаких авторитетов. Правду надо искать не в отчете, а в самой бухгалтерской книге.

– Ловко, – похвалил Грант. – А что это значит?

– Значит, что настоящая история пишется в книге, не предназначенной для истории. История – в гардеробной описи, в наличности кошелька, в неофициальных письмах, в хозяйственных книгах. Если кто-то, скажем, настаивает, что у леди Н. не было детей, а в книге расходов мы находим запись: «Для сына, рожденного моей женой в Михайлов день, куплено пять ярдов голубой ленты по полпенса за ярд», – разумно предположить, что леди Н. все-таки родила сына.

– Понятно. С чего начнем?

– Вы – мастер, я – ваш подмастерье.

– Ученый подмастерье.

– Спасибо. Итак, что вы желаете знать?

– Для начала было бы полезно расширить наши общие познания о том времени. Например, каким образом реагировали основные действующие лица на смерть Эдуарда? Естественно, Эдуарда IV. Он умер неожиданно, и его смерть застала всех врасплох. Мне бы хотелось знать реакцию заинтересованных лиц.

– Ясно. Вы желаете знать, что они делали, а не что они думали.

– Правильно.

– Их мысли – дело историков, а ученые подмастерья довольствуются голыми фактами.

– Мне и нужны факты. Мне они понятнее любых слов.

– А что, между прочим, сообщает сэр Томас? Что сделал Ричард, узнав о смерти брата?

– Святой Томас хочет уверить нас, будто Ричард немедленно стал планировать исчезновение принцев.

– Значит, нам надо узнать, кто где был и что делал, чтобы не идти у него на поводу.

– Так точно.

– Полицейский всегда полицейский, – усмехнулся Брент. – Где вы были в семнадцать часов пятнадцатого числа прошлого месяца?

– Что ни говори, а это срабатывает, – сказал Грант. – Еще как срабатывает.

– Ладно, пойду искать. Может, удастся добыть для вас много-много информации. Должен вам сказать, мистер Грант, я вам очень благодарен. Это куда интереснее того, чем я занимался прежде.

И он исчез в сгущающихся сумерках зимнего вечера, одетый в пальто, похожее на старинное одеяние со шлейфом, которое придавало его юношеской фигуре солидность зрелого мужа.

Грант включил лампу и долго изучал круглое пятно на потолке, словно видел его впервые.

Этот мальчик неожиданно подбросил ему интереснейшую загадку. Почему современники не осудили Ричарда? Он был обязан заботиться о принцах, следовательно, если Генрих не нашел их в Тауэре, то почему не бросил в соперника этот ком грязи, а предъявил мертвому королю ничего не значащие обвинения в жестокости и тирании?

Грант автоматически проглотил ужин, и только когда Амазонка сказала: «Вот и хорошо. Пирожков как не бывало», – узнал, что съел пирожки.

Еще около часа Алан смотрел на потолок, вновь и вновь перебирая в уме разные детали в поисках хоть какой-нибудь ниточки, за которую можно было бы уцепиться.

В конце концов он усилием воли заставил себя забыть о Ричарде, как делал всегда, когда решение не давалось ему. Надо было спать, и утром, кто знает...

Заснуть не удалось, но тут на глаза Гранту попала стопка писем, ожидавших его внимания. Это были добрые, приветливые письма, некоторые даже от бывших подопечных. Да, старики уходят, а на их место лезут нахальные юные головорезы без проблеска человечности в душе, невежественные, как недельные щенки, и безжалостные, как электрические пилы. Раньше профессиональный грабитель был личностью, подобно представителю любой другой профессии, и редко когда бывал замечен в каком-нибудь пороке. Спокойный семьянин или чудаковатый холостяк, любитель птичек и завсегдатай книжных базаров и игрок, заключающий сложные и беспроеигрышные пари. Старики...

Разве современному головорезу придет в голову выразить ему свои соболезнования?

Писать письма, лежа на спине, занятие малоприятное, и Грант никак не решался приняться за него, но верхнее письмо привлекло его внимание знакомым почерком кузины Лоры, а Лора будет беспокоиться, если не получит от него ответа. В детстве они вместе проводили школьные каникулы и даже одно лето, еще в Шотландии, были немножко влюблены друг в друга, что, по-видимому, и соединило их неразрывно на всю жизнь.

Грант, улыбаясь, прочитал Лорино письмо раз, другой, вспомнил, как журчит Терли, как скользят ее волны, вдохнул мысленно сладкий холодный запах зимнего шотландского луга и даже на несколько минут забыл, что находится в больнице.

«Пат посылает тебе привет, можно даже сказать, что нежный, ибо он сказал: «Передай Алану, что я о нем спрашивал». Он тут нашел какую-то муху и ждет тебя к нам в твой отпуск, чтобы одарить тебя ею. У него сейчас не очень ладится в школе, потому что, узнав, что шотландцы продали Карла I англичанам, он решил, что не может больше считать себя шотландцем. Насколько я понимаю, он протестует против всего шотландского, не желает учить историю, петь песни и зубрить географические названия сей достойной сожаления страны. Он объявил об этом, отправляясь вчера вечером спать. Еще он собирается просить норвежского подданства».

Грант взял с тумбочки стопку почтовой бумаги и написал карандашом на верхнем листке:

«Милая Лора,
ты очень удивишься, если я тебе скажу, что принцы из Тауэра пережили
Ричарда III?
Всегда твой,
Алан.

P. S. Я уже почти здоров».

9

– А вы знаете, – спросил Грант пришедшего к нему утром хирурга, – что когда Ричарда III судил парламент, убийство его племянников даже не было упомянуто?

– Правда? – удивился хирург. – Странно, однако.

– Очень странно. Как вы это объясняете?

– Может, им не хотелось скандала? Все-таки семья.

– Нет, он был последним в роду, а Генрих был первым в династии Тюдоров. Генрих VII.

– Ах да. Как это я забыл? Впрочем, я никогда не был силен в истории. В школе ее преподают не слишком интересно. Мы обычно занимались алгеброй. Может быть, стоило показывать нам побольше портретов. – И, бросив последний взгляд на Ричарда, он приступил к обычному осмотру. – Хорошо. Очень хорошо. Нет, правда хорошо. Не больно? – спросил он и вышел из палаты, милое, мимолетное видение. Нельзя сказать, чтобы его не интересовали лица, ведь он тоже был профессионалом, но история не имела к нему никакого отношения, необязательный предмет, который явно уступал алгебре. Он имел дело с живыми людьми. Держа в своих руках их жизни, он не смел отвлекаться ни на что постороннее.

У старшей сестры тоже вполне хватало дел. Хотя она и выслушала Гранта, у него сложилось впечатление, будто его слушательница едва сдерживается, чтобы не сказать: «На вашем месте я поискала бы для разговоров кого-нибудь еще». В ее обязанности не входило делить с ним его сомнения. С королевской озабоченностью взидала она и на огромный людской муравейник с его не допускающими отлагательства проблемами, так что на события более чем четырехсотлетней давности ей просто не хватало глаз.

Грант хотел ей сказать: «Вам должно быть интересно, что иногда случается с королями. Не забывайте, что и вашу репутацию в любой момент может уничтожить случайная сплетня». Однако он подумал, что своими речами удлинит и так долгий рабочий день старшей сестры, и промолчал.

Пигалица не имела и не желала иметь никакого представления о том, что приговоренный к смерти лишается заодно и всех прав.

– Кажется, у вас появилась навязчивая идея, – сказала она, рассматривая фотографию. – Это плохо. А почему вы все-таки не читаете ваши красивые книжки?

Даже Марта, которую он с нетерпением ждал, чтобы рассказать о своем последнем предположении, кипела ненавистью к Маделин Марч и осталась безразличной к его словам.

– Она же мне обещала! После всех наших переговоров, когда у меня уже почти не осталось сомнений... Я даже обсудила с Жаком костюмы! Так нет, видите ли, она решила, что ей необходимо написать еще один дурацкий детектив. Она говорит, будто он у нее в голове. Все равно ничего путного не выйдет.

Грант сочувственно внимал Марте, ибо хороших пьес всегда мало, а хорошие драматурги – на вес платины, но у него было ощущение, что их разделяет стеклянная перегородка. XV век был ему сейчас ближе любых сиюминутных трагедий на Шефтсбери-авеню.

– Она быстро разделается с детективом, – попытался успокоить он Марту.

– Она сделает его за шесть недель, но откуда я знаю, что найдет на нее потом. Тони Савилла хочет, чтобы она написала для него пьесу о Мальборо, а ты знаешь, если Тони захочет... у него голуби слетят с Адмиралтейской арки. – Однако перед самым уходом, уже стоя у двери, она обронила несколько слов об интересовавшей Гранта проблеме: – Несомненно, все имеет свое объяснение...

«Несомненно!» – хотел он крикнуть ей вслед. Но какое? Эта история ни на что не похожа и совершенно бессмысленна. Историки утверждают, что убийство возбудило ненависть к Ричарду, из-за него народ Англии отвернулся от своего короля и принял чужестранца, а когда

Ричарда судили в парламенте, никто даже не упомянул об убийстве. Ричард был мертв, его сторонники убиты или в изгнании, следовательно, враги могли обвинить его в чем угодно. Но они не стали обвинять его в убийстве.

Почему?

Насколько известно, в стране постоянно шли разговоры об исчезновении принцев. Последнее по времени событие. А враги, собравшись, чтобы заявить об обидах, нанесенных Ричардом людям и государству, промолчали о самом бесчестном из его деяний.

Почему?

Генрих нуждался в любом, даже самом незначительном подтверждении своего права на трон. Народ его не знал, в жилах Генриха не было крови Йорков, однако он не использовал выгоды, которую давало ему обнародование убийства.

Почему?

Генрих наследовал человеку, обладавшему великолепной репутацией, известному от Уэльса до Шотландии, обожаемому народом. И не воспользовался главным козырем – ни словом не обмолвился о чудовищном преступлении Ричарда.

Почему?

Пожалуй, только Амазонка проявила интерес к тому, что занимало Гранта, и не из-за любви к Ричарду, а потому что ее чувствительной душе было непереносимо сомнение. Амазонка могла вернуться из противоположного конца коридора, чтобы оторвать забытый листок в календаре. Однако ее потребность печалиться уступала в потребности нести успокоение.

– Вам не следует так огорчаться, – пыталась она успокоить Гранта. – Вот увидите, объяснение будет проще простого. Вы найдете его. Оно само придет к вам, как только вы переключитесь на что-нибудь другое. У меня всегда так бывает, когда я забываю, где что лежит. Ставлю себе чайник или считаю стерильные повязки и вдруг вспоминаю: «Бог ты мой, да это в кармане плаща». Ну то, что я никак не могла найти. Вот и вы не огорчайтесь.

Сержант Уильямс уехал в Эссекс помогать местной полиции искать преступника, ударившего старуху торговку латунной гирей по голове и бросившего ее мертвую среди шнурков для ботинок. Так что на помощь Скотленд-Ярда Гранту рассчитывать не приходилось.

Помощь пришла только через три дня в виде юного Каррадина. Грант подумал, что, пожалуй, он мог бы быть чуть менее рассеян, да и самодоволен тоже. Все же, как хорошо воспитанный юноша, Брент сначала поинтересовался здоровьем Гранта, после чего, получив удовлетворительный ответ, достал какие-то записки из бездонного кармана пальто и сквозь очки в роговой оправе устремил сияющий взгляд на коллегу.

– Ваш святой Мор мне даром не нужен, – заявил он, весьма довольным тоном.

– А вам его никто и не предлагает.

– Он все наврал. Все.

– Я так и думал. Выкладывайте-ка ваши факты. Лучше со дня смерти Эдуарда.

– Начнем. Эдуард умер девятого апреля 1483 года в Лондоне. Естественно, в Вестминстере, хотя тогда это не было одно и то же. С ним жили королева, дочери и младший сын. Наследник же жил и учился в Ладлоу под присмотром брата королевы, лорда Райверса. Думаю, вам известно, что родственники королевы были очень близки к трону. Вудвиллы были везде.

– Знаю. Давайте дальше. Где был Ричард?

– В Шотландии.

– Что?!

– Да-да, в Шотландии. Вы спросите, потребовал ли он коня, чтобы мчаться в Лондон?

Нет.

– А что он сделал?

– Заказал заупокойную мессу, на которой была вся знать севера, и в присутствии всех дал клятву верности юному наследнику.

– Интересно. – В голосе Гранта не было теплоты. – А что делал Райверс, брат королевы?
– Двадцать четвертого апреля он выехал с наследником в Лондон в сопровождении двух тысяч хорошо вооруженных воинов.

– Вооруженных-то зачем?

– Понятия не имею. Мое дело – факты. Дорсет, старший сын королевы от первого брака, взял в свои руки арсенал и сокровищницу в Тауэре и начал вооружать корабли на Ла-Манше. Приказы Совета подписаны Райверсом и Дорсетом – *avunculus Regis* и *frater Regis uterinus*¹⁷. Подписи Ричарда нет. Но это не лезет ни в какие ворота, если вспомнить, что Эдуард в своем завещании недвусмысленно назначил Ричарда опекуном наследника и протектором королевства, какие бы там слухи ни ходили. Заметьте, одного Ричарда.

– Да, похоже на правду. Он всегда безгранично доверял Ричарду. И как брату, и как государственному деятелю. А что, Ричард тоже собрал армию, прежде чем отправился на юг?

– Нет, с ним были шестьсот рыцарей из северной знати. Двадцать девятого апреля он был уже в Нортгемптоне и, несомненно, собирался присоединиться к кортежу из Ладлоу. Впрочем, это только домыслы, потому что факты говорят, что Райверс с юным наследником уже отправились в Стрэдфорд. В Нортгемптоне Ричарда встретил лишь герцог Букингемский с тремя сотнями людей. Вы о нем что-нибудь знаете?

– Немного. Он был другом Эдуарда.

– Правильно. Лондон он покинул в спешке...

– И прибыл в Нортгемптон с последними новостями.

– Так получается. Вряд ли он взял бы с собой триста человек только для того, чтобы выразить соболезнование. Во всяком случае, Ричард держал там совет. Кстати, он имел на это право. В результате Райверс с тремя соучастниками был арестован и отослан на север, в то время как Ричард и юный принц продолжили путь в Лондон, куда они прибыли четвертого мая.

– И если принять во внимание время и расстояние, то утверждение сэра Томаса Мора, будто Ричард писал королеве очаровательные письма, склоняя ее прислать как можно меньший эскорт для принца, – сущая чепуха.

– Вздор!

– Ричард сделал все как надо. Он не мог не знать завещания Эдуарда. И его поступки свидетельствуют о том, о чем они и должны свидетельствовать, – о его скорби и заботе о мальчике. Вот вам заупокойная служба и присяга на верность.

– Правильно.

– Ну и когда же кончится эта идиллия?

– Очень скоро. Он приехал в Лондон и обнаружил, что королева с младшим сыном, дочерьми и Дорсетом, сыном от первого брака, заперлась от него в Вестминстере. В остальном же ничего не изменилось.

– Он увез наследника в Тауэр?

– Не помню, – сказал Каррадин, порывшись в своих записях. – Кажется, я этого не нашел. Я был только... Нет, постойте. Он привез мальчика в епископский дворец возле собора Святого Павла, а сам поселился с матерью в Бейнардзкасл. Вы знаете, где это? Я – нет.

– Знаю. Это городской дом Йорков. Он стоял на самом берегу, чуть западнее собора Святого Павла.

– А... Ричард жил там до пятого июня, а пятого июня приехала его жена, и они переселились в Кросби-Плейс.

– Этот район и теперь так называется. Дом перенесли в Челси. Не знаю, целы ли в нем стекла, вставленные Ричардом, но строение сохранилось, правда, я его давно не видел.

¹⁷ Дядя короля и единоутробный брат короля (*лат.*).

– Да ну? – изумился Каррадин. – Прямо сейчас отправлюсь в Челси на него посмотреть. А у вас нет впечатления, что мы мирно судачим о семейных делах нашего хорошего знакомого? Жил с матерью, пока не приехала жена, потом они устроились отдельно. Интересно, Кросби-Плейс был их личным владением?

– Кажется, Ричард нанимал его у одного из лондонских олдерменов. Итак, у вас никаких сведений ни об изменившихся планах Ричарда, ни об оппозиции?

– Нет, ничего. Лордом-протектором он стал еще до приезда в Лондон.

– А это откуда известно?

– В сохранившихся документах его дважды называют протектором. Постойте... Вот... Двадцать первого апреля, то есть меньше чем через две недели после смерти Эдуарда, и второго мая, за два дня до его появления в Лондоне.

– И никто не протестовал? Не шумел?

– Я ничего не нашел. Пятого июня он отдал детальное распоряжение насчет коронации принца, которая должна была состояться двадцать второго, и даже разослал письменные приглашения сорока сквайрам, которых собирался произвести в рыцари. Кажется, был такой обычай – производить в рыцари в день коронации.

– Пятого, – задумчиво повторил Грант. – Двадцать второго. У него было очень мало времени, особенно если он сомневался.

– Да. Сохранилось даже его распоряжение о коронационном платье для племянника.

– Ну а потом? Что случилось потом?

– Насколько мне удалось докопаться, – почти извиняясь за свою неосведомленность, сказал Каррадин, – что-то случилось на Совете, кажется, восьмого июня, но упоминание об этом есть только в «Мемуарах» Филиппа де Комина, а я еще до них не добрался. Завтра мне обещали экземпляр издания Мандро 1901 года. Вроде бы епископ Батский открыл на Совете какую-то тайну. Вы слышали об этом епископе? Он еще известен как Стиллингтон.

– Нет, совсем ничего.

– Он был членом совета колледжа Всех Святых в Оксфорде и каноником в Йорке, а что это значит, я не знаю.

– Значит, что он был ученый и почтенный человек.

– Посмотрим.

– А кого вы отыскиали из историков, кроме Филиппа де Комина?

– Никого, кто писал бы до смерти Ричарда. А Комин – француз и не зависел от Тюдоров, поэтому ему можно доверять больше, чем англичанину. Кстати, я приготовил для вас великолепный образчик того, как делается история. Нашел, когда искал современников Ричарда. Вряд ли вам известно, что Ричарду приписывается еще хладнокровное убийство единственного сына Генриха VI, которое он якобы совершил после Тьюксберийской битвы. Хотите – верьте, хотите – нет, но тут с самого начала можно проследить, как из мухи сделали слона. Лучшего ответа тем, кто считает, что не бывает дыма без огня, нарочно не придумаешь. Поверьте мне, здесь не было огня, хотя сухие деревяшки были.

– Ричард тогда был совсем юным.

– Да, лет восемнадцати. Но он, если не врут источники, отличался немалой силой. Он и сын Генриха – ровесники. Так вот, сначала все единодушно утверждают, что сын Генриха погиб в сражении, а потом начинается непонятное... – Каррадин перебирал свои бумажки, явно не находя чего-то. – Черт подери, куда она подевалась? А... вот. Фабиан, он жил при Генрихе VII, пишет, что юношу взяли в плен и привели к Эдуарду IV, бросившему ему в лицо перчатку, и убили на его глазах. Как вам это нравится? А Полидор Виргилий утверждает, что убийство было совершено непосредственно Георгом, герцогом Кларенсом, Ричардом, герцогом Глостером, и лордом Гастингсом. Холл добавляет к ним Дорсета, а Холиншед, которому этого мало,

заявляет, что первый удар был нанесен именно Ричардом. Ну как? По-моему, Тоунипанди высшего качества.

– Да, что верно, то верно. Ни слова правды. Однако если у вас есть время выслушать несколько фраз из Томаса Мора, то вы получите еще один пример того, как делается история.

– Меня тошнит от сэра Томаса Мора. Но я слушаю.

Грант перелистал несколько страниц в поисках нужного параграфа:

Некоторые искушенные люди полагают, что его (то есть Ричарда) тайным желанием было убийство его брата Кларенса, чему он якобы из всех сил сопротивлялся, однако сопротивлялся не так, как если бы и вправду был защитником своего брата. И те, кто так полагает, полагают также, что задолго до смерти Эдуарда замыслил он стать королем, когда брат его король (чью жизнь стремился укоротить жестокой диетой) умрет, оставив наследником малое дитя (как оно и случилось). И полагают также, что радовался он измене брата Кларенса, ибо помешал бы тот ему достичь цели, сохрани он верность племяннику или пожелай сам стать королем. Но сии наши измышления не могут быть подтверждены ничем, а тот, у кого в руках одни лишь догадки, легко может промахнуться.

– Лживое ничтожество, – почти с нежностью произнес Каррадин.

– А вы заметили тут одно интересное утверждение?

– Ну конечно.

– Заметили? Умница. А я три раза прочитал, прежде чем до меня дошло.

– Ричард не желал казни брата, по крайней мере в открытую.

– Правильно.

– Однако всеми своими «полагают», – сказал Каррадин, – он добивается нужного впечатления. Говорил я вам, мне его и даром не надо.

– Не следует забывать, что это все же Джон Мортон, а не Томас Мор.

– Томас Мор звучит лучше. И кстати, ему это наверняка нравилось, иначе зачем бы он стал снимать копию?

Но Грант, вспомнив свое солдатское прошлое, уже переключился на Нортгемптон:

– Ричард оказался достаточно искусен, чтобы справиться с двумя тысячами воинов Райверса, не вступая с ними в открытое столкновение.

– Наверно, они предпочли брата короля брату королев.

– Наверно. К тому же воину легче найти общий язык с воинами, чем человеку, пишущему книги.

– А Райверс писал книги?

– Именно ему принадлежит первая напечатанная в Англии книга. Он был весьма образован.

– Хм. И тем не менее он вступил в спор с человеком, который в восемнадцать лет был бригадиром, а в неполных двадцать пять стал генералом. Знаете, я не перестаю удивляться Ричарду.

– Его талантам?

– Нет. Его молодости. В моем представлении Ричард всегда был пожилым человеком, а ведь он всего тридцати двух лет от роду.

– Скажите, когда Ричард взял на себя заботу о наследнике, он изолировал его от людей из Ладлоу? От тех, кто его вырастил?

– Нет. С ним вместе в Лондон приехал его учитель, доктор Оллок.

– Следовательно, не было никакой паники, никакого устранения Вудвиллов и всех, кто мог бы влиять на принца не в пользу Ричарда?

– Кажется, нет. Он арестовал всего четырех человек.

– Да... Искусная операция, ничего не скажешь.

– Он мне положительно нравится. А теперь я отправляюсь на поиски Кросби-Плейс. Мне просто не терпится посмотреть на дом, в котором он жил. А завтра я получу книжку Комина, и мы узнаем, что он думал о событиях 1483 года в Англии и что сообщил Роберт Стиллингтон, епископ Батский, в июне того же года Совету.

10

– В 1483 году, летом, Стиллингтон заявил Совету, что прежде чем Эдуард женился на Елизавете Вудвилл, он, Роберт Стиллингтон, обвенчал его с леди Элеонорой Батлер, дочерью первого графа Шрюсбери.

– Но почему Стиллингтон молчал раньше? – едва оправившись от неожиданности, спросил Грант.

– Таково было желание Эдуарда. Что в этом странного?

– Кажется, Эдуард был большим любителем тайных браков, – брюзгливо пробурчал Грант.

– Вероятно, чем неприступнее была красавица, тем труднее ему было отказаться от нее. Ему просто больше ничего не оставалось. К тому же он привык добиваться своего. Примите во внимание его опыт и корону, так что отступить ему не пристало.

– Да уж... Вот и его женитьба на Елизавете Вудвилл. Добропорядочная красавица с золотыми волосами – и тайный брак. Эдуард просто прибегнул к старому приему, если Стиллингтон сказал правду. А вот сказал ли он правду?

– Во времена Эдуарда, если мне не изменяет память, он был сначала хранителем печати, потом лордом-канцлером и, наконец, послом в Бретани. Эдуард был ему чем-то обязан или за что-то очень его любил. Так что у Стиллингтона не было причин жаловаться на Эдуарда, даже если считать его большим интриганом.

– Да, причин не было.

– Тем не менее парламент поставили в известность, и личность Стиллингтона вряд ли имеет в этом случае большое значение.

– Парламент?!

– Представьте себе! Все делалось в открытую. Никаких тайн. Девятого июня на собрании вестминстерских лордов Стиллингтон представил доказательства и свидетелей, на основании чего было подготовлено письмо в парламент, который собрался двадцать пятого. А десятого Ричард запросил из Йорка войска.

– Вот оно что!

– Да. Одиннадцатого он отправил аналогичный запрос своему кузену, лорду Невиллу. Опасность становилась реальной.

– Конечно, реальной. Человек, не совершивший ни одного промаха в поганой ситуации в Нортгемптоне, не теряет головы из-за пустяка.

– Двадцатого он с небольшой свитой явился в Тауэр. Вы знаете, что Тауэр был не тюрьмой, а королевской резиденцией?

– Знаю. Для нас Тауэр – тюрьма, потому что есть выражение: «Отправить в Тауэр». Ну и еще, конечно, потому что в качестве единственного королевского замка в Лондоне, единственного неприступного замка, ему пришлось стать местом заточения врагов короля, пока не были построены королевские тюрьмы. Зачем Ричард отправился в Тауэр?

– Чтобы прервать заседание заговорщиков и арестовать лорда Гастингса, лорда Стэнли и некоего Джона Мортонна, епископа Илийского.

– Так я и думал, что рано или поздно их пути сойдутся.

– Был составлен указ, в котором подробно излагались все детали заговора против Ричарда, но он не сохранился. Интересно, что обезглавлен был всего один заговорщик. По странному стечению обстоятельств им стал лорд Гастингс, друг Эдуарда и Ричарда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.